

А л е к с а н д р
А Й З Е Н Б Е Р Г

ОГНЕННЫЙ ЦАРЬ

Александр Айзенберг

Огненный царь

«Алетейя»

2022

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Айзенберг А.

Огненный царь / А. Айзенберг — «Алетейя», 2022

ISBN 978-5-00165-474-2

Внезапная смерть Александра в Вавилоне на пике славы в неполные 33 года столь же загадочна, как и его жизнь. Чудеса продолжались – его тело шесть дней оставалось нетленным, о чем свидетельствовал Плутарх. Полководец скончался от редкого неврологического заболевания, результатом которого стал паралич. Недвижимое тело сочли мертвым. Возможно, еще живым его для бальзамирования погрузили сначала в бочку с медом, потом в золотой саркофаг, начавший обратное движение с востока на запад. Эпопея с движением тела Александра в целом сопоставима с продолжительностью его завоевательного похода. Действительно ли он был сыном Зевса? Победы дали утвердительный ответ, и Александр стал еще при жизни требовать божественного поклонения себе. Вторая часть книги «Житие Деметрия», посвящена представителю следующего поколения наследников, сыну соратника Александра Антигона Деметрию по прозвищу Полиоркет («Осаждающий города»). Жизнь его – цепь непрерывных столкновений со старшими диадохами на всем пространстве средиземноморского «эллинизма». Герой третьей части – царь Эпира Пирр («рыжий»), которого Ганнибал считал вторым из величайших полководцев после Александра, себе скромно отводя лишь третье место. Пирр был троюродным братом и двоюродным племянником Македонского. Пирр хотел стать новым Александром Запада, и многие считали, что сам Александр Македонский возродился в его лице. Его армия, создаваемая сообща едва ли не всеми царями эллинов, в сумме своей была более внушительной, чем Александра. Дух героя был вполне александров, но его победы над римлянами оказались пирровыми, ведь противник оказался совсем другим. Не потерпев ни одного поражения, Пирр проиграл «войну на истощение», поскольку это была уже война ресурсов. Империя Запада возникала на собственной, римской основе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-474-2

© Айзенберг А., 2022
© Алетейя, 2022

Содержание

Воспроизвести Александра, или Пирр на весь мир	7
Часть 1	10
Пролог	10
Отец и мать	12
Сплетники	14
Во время грозы	15
Избранные	18
Дела семейные	20
Мать и сын	23
Смерть отца	24
Фивы	26
Отъезд	30
Граник	32
Болезнь Александра	36
Победитель	37
Сны	42
Гибель империи	46
Рождение другого	52
Гарпал	54
Жертвы	56
Начало конца	62
Приближение и...	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Айзенберг Огненный царь

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© А. Айзенберг, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Воспроизвести Александра, или Пирр на весь мир

Иллюзия и (или) реальность? Все зависит от того, сколько измерений задействовано для взгляда. Художники-маринисты умеют с призывной эффектностью или усыпляющей успокоительностью запечатлеть явную или скрытую динамику морских волн, а волны истории давно уже используются писателем Александром Айзенбергом для своеобразных *голографических импровизаций*, превращаясь то в некую глобальную клавиатуру для партитуры бытия как такового, то в площадку для серфинга.

В новой книге автор отправляется, призывая за собой и читателя, на *волновой фронт* эллинизма, очень условного, на его взгляд, понятия, подвернувшегося, как глоток воды для утоления концептуальной жажды в непредсказуемой пустыне бесконечных боевых действий.

Первая часть книги «Убить Александра» – как будто бы пульсация сердца самого Александра Македонского (Великого) с его блистательной и короткой жизнью. Самодостаточные голограммы замыкают ключевые эпизоды биографии покорителя Азии, начавшего свою оппозицию миру с противопоставления любвеобильному отцу, царю Филиппу: «Александр, издеваясь над отцом, сказал: "Смотрите люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу"».

Рубил ли по предначертанному ему завоевательному пути Александр пресловутый Гордиев узел мечом, или на самом деле ему легко удалось разрешить задачу и освободить ярмо, вынув из переднего конца дышла крюк— так называемый «гестор», которым закрепляется яремный ремень? Хороший предмет для дискуссии золотой осенью в одесском подвальчике, с попутным выяснением, какие пирожные более свежие?

«– Все.

– Так не может быть. Какие более сегодняшние?

– Я вам скажу больше: они не только сегодняшние. Они – завтрашние».

Важно при многомерном и размерном извлечении уроков истории для сегодняшнего дня не угодить под залетевшее из какой-то из эпох копье, не быть облитым с головы до ног бензином из канистры с немедленной вспышкой зажигалки, короче, не подставлять спину незнакомцу, разговаривать, с которым, в принципе, можно. Собственно, постижение истории и есть – разговор с незнакомцем.

Александр – гениальный полководец, смелый воин, вспыльчивый до убийственности дипломат. Но ключевой момент похода на Восток связан с самоотверженностью при переходе через безводную пустыню. Хотя и тут не обошлось без театральности.

«Александр спросил их, кому везут они воду, и македоняне ответили: "Нашим сыновьям; но если ты будешь жить, мы родим других детей, пусть даже и потеряем этих". Услышав это, Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: "Если я буду пить один, они падут духом". Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он не колеблясь вел их дальше, ибо они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя».

Эллинисты, вперед!

А ради чего всё это?

Войдя в столицу побежденного персидского царя Дария, Александр увидел всякого рода сосуда – кувшины, тазы, флаконы для притираний, все искусно сделанные из чистого золота, когда он услышал удивительный запах душистых трав и других благовоний, когда, наконец, он прошел в палатку, изумлявшую своими размерами, высотой, убранством лож и столов, – царь посмотрел на своих друзей и сказал: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать!»...

Чуть южнее и позже пророк Магомет, которому надо было идти распространять ислам, вынужден был отрезать полу халата, на которой уснула кошка, чтобы не тревожить спящее животное. Александр подобным образом любил прорицателей. Один из них смело объявил присутствовавшим, что город Тир непременно будет взят армией еще в текущем месяце. Слова предсказателя были встречены смехом – шел последний день месяца. Увидев, что прорицатель оказался в затруднительном положении, Александр, который всегда покровительствовал гаданиям, приказал считать этот день не тридцатым, а двадцать восьмым. Затем приказал протрубить сигнал и начал штурмовать стены Тира более решительно, чем первоначально намеревался. Атака оказалась столь ожесточенной, что даже оставленные в лагере не усидели на месте и бросились на помощь. Тирийцы прекратили сопротивление, и город был взят в тот же день.

Действительно ли он сын Зевса? Победы дали утвердительный ответ, и он стал требовать божественного поклонения себе.

Внезапная смерть Александра в Вавилоне на пике славы в неполные 33 года столь же загадочна, как и его жизнь. Чудеса продолжались – его тело шесть дней оставалось нетленным, о чем свидетельствовал Плутарх. Последний, но окончательный ли, из бесчисленного множества диагнозов, сложившихся в своеобразную энциклопедическую эпопею болезней и отравлений, был недавно поставлен Кэтрин Холл. Полководец скончался от редкого неврологического заболевания, результатом которого стал паралич. Недвижимое тело сочли мертвым. Возможно, еще живым его для бальзамирования погрузили сначала в бочку с медом, потом в золотой саркофаг, начавший обратное движение с востока на запад. Кстати, эпопея с движением тела Александра в целом сопоставима с продолжительностью его завоевательного похода.

Вспоминаются документальные кадры путешествия гроба маршала Тито по столицам союзных республик уже приближающейся к распаду Югославии, мастерски смонтированные Эмиром Кустурицей в ткань своего знаменитого фильма «Подполье» (1995). На пути в Македонию гроб Александра был перехвачен в Сирии Птолемеем Сотером, захоронившим его в Мемфисе, позже, при Птолемеи Филадельфе, перенесшим его в Александрию. С тех пор часть древней Александрии сама была похоронена в объятиях морских волн.

Вторая часть книги «Житие Деметрия», посвящена представителю следующего поколения наследников, сыну соратника Александра Антигона Деметрию по прозвищу Полиоркет («Осаждающий города»). Жизнь его – цепь непрерывных столкновений со старшими диадохами на всем пространстве средиземноморского «эллинизма». Ему довелось побеждать Птолемея, но в итоге проиграть Селевку, в качестве почетного пленника которого он наконец обрел счастье в праздности и досуге, скончавшись на третьем году заключения от досуговых излишеств.

«Много лет спустя в Одессе пили кофе с наполеоном. Это – торт. Шикарный торт. Для тех, кто не в курсе. И так существовали в культурном пространстве. Наполеон – Пирр. Кофе – республиканский Рим».

Да, Ганнибал у ворот, а Пирр – у причала! Герой третьей части книги «Пламя» – царь Эпира Пирр («рыжий», типа Джона Кеннеди), которого Ганнибал считал вторым из величайших полководцев после Александра, себе скромно отводя лишь третье место. Пирр был троюродным братом и двоюродным племянником Александра Македонского. Его отец Эакид – двоюродный брат и племянник матери Александра Олимпиады, важного действующего лица всех трех частей книги.

Пирр хотел стать Александром Запада, и многие считали, что сам Александр Македонский возродился в его лице. Его создаваемая сообщая едва ли не всеми царями эллинов армия, что-то вроде общеэллинской сборной мира, в сумме своей была более внушительной, чем армия Александра. «Достаточно сказать о слонах молосса. Александр, скорее всего, до начала своего похода о слонах просто не слышал».

Дух героя был вполне *александров*, но его победы над римлянами оказались *пирровыми*, ведь противник оказался совсем другим. Не потерпев ни одного поражения, Пирр проиграл «войну на истощение», поскольку это была уже война ресурсов. Империя Запада возникала на собственной, римской основе долгосрочных рискованных инвестиций.

Дегероизирующая войну гибель Пирра во время внутри эллинских усобиц – это *смерть-деконструкция*. Во время штурма пелопонесского города Аргос «самый большой слон, упав поперек ворот, лежал, трубя и мешая отступающим пройти, а другой слон, из тех, что вошли в город раньше, по кличке Никон, ища раненого вожака, упавшего с его спины, несся навстречу, гоня и опрокидывая врагов и друзей, пока, наконец, не нашел труп и, подняв его хоботом и подхватив бивнями, не повернул назад, взбесившись, валя наземь и убивая всех встречных. Сбитые в кучу и плотно прижатые друг к другу воины не могли ничего предпринять поодиночке: словно единое тело, толпа ворочалась и колыхалась из стороны в сторону. Мало кто бился с врагами, зажатыми между воинами Пирра или наседавшими сзади, – большей частью они ранили друг друга, ибо тот, кто обнажил меч или замахивался копьем, не мог ни опустить руку, ни вложить клинок в ножны: оружие разило, кого придется, и люди гибли от руки своих же». Пирр напал на молодого воина, попытавшегося поразить его копьем. Мать воина, как и все горожане, неспособные держать в руках оружие, сидела на крыше дома. Увидев, что её сыну угрожает опасность и он не в состоянии отбиться от своего врага, она сорвала с крыши черепицу и бросила в Пирра. По роковому стечению обстоятельств черепица попала в стык доспехов на шее Пирра, перебив ему позвонки. Пирр упал и был добит на земле.

Взглянув и узнав отрубленную голову Пирра, преследовавший его македонский царь Антигон II палочными ударами прогнал доставившего этот трофей сына, называя его варваром и нечестивцем, прикрыв глаза плащом, заплакал, а затем, украсив и голову и тело Пирра, предал их ритуальному сожжению.

– Пирр, Пирр! – несмотря ни на что, скандирует толпа поклонников.

– *Невермор*, – слышалось мне. Герострата забыть не удалось, несмотря на специально задействованные мнемотехнологии. А Пирр был забыт сравнительно легко, оставшись в памяти только фигурой речи по поводу своей пресловутой «победы». Александр невоспроизводим. Если это не голографическая импровизация...

*Александр Люсый, доктор филологических наук,
профессор Института кино и телевидения (ТИТР)*

Часть 1

Убить Александра

Пролог

Александр уйдет из жизни... решится ли кто-нибудь...

Птолемей, полководец Александра, готовился к смерти царя. Александр был жив, полон энергии, но скоро...

Антигон... я... Пердикка... Антипатр... его сын Кассандр... Антигон... я... мы ждем, когда начнем делить царство Александра...

Антигон тер свой оставшийся глаз...

Главное – не пропустить момент его смерти... Тогда, когда все начнется... кто же нанесет удар...

Пердикка смотрел на Арридея... Слабоумный тихо, как мышь... скреб ногтями...

Его имя... кровь Александра, которая течет у него в жилах... Вовремя я его захватил... еще немного...

Антипатр говорил с сыном. Это происходило не часто. Время не ждало. Кто считал дни царя?.. Нужно быть готовым. Или поторопить... Кассандр слушал очень внимательно. Отец был прав. Власть скоро поменяется. Как быть им?..

Птолемей Лаг... Антигон... Пердикка...

Огромный Геракл стоял над ним и молчал. Потом ушел. Тяжелые шаги обрушивались на землю. Каждый шаг. Земля стонала.

Ночью пришел отец. Он постоял над ним. Александр зажмурился. Страшного Геракла он не боялся. А от Филиппа несло вином. Они оба знали... Такой серый холод стоит после прихода гостя из Олимпа. И это был предок царя.

Его мать... Эакиды, потомки Неоптолема...

Троя уже была вся в огне. Неоптолем весь в крови потрясал своим страшным мечом. Прорицание сбылось. Столько ужаса даже его отец... быстроногий Ахилл... не принес обреченному городу. Пирр никого не щадил. Он убивал. Всех. Огонь слился с его волосами.

Филипп еще юношей был посвящен на Самофраке... Самофракийские таинства... культ подземных богов Кабириов...

Он увидел молоденькую девушку... тоненькие ручки и ножки... и неземной красоты лицо... восторг неба был в ее глазах...

Отец и мать

Он увидел молоденькую девушку... тоненькие ручки и ножки... и неземной красоты лицо... восторг неба был в ее глазах... Филипп замер... черный... небритый... ее белокурые волосы... она...

Ему сказали, что это дочь царя Эпира Неоптолема. И сказали, что тот считает себя потомком Ахилла. Ахиллес – полубог... убийца великого Гектора...

Станным получился этот бой у Скейских ворот... Какой же это бой?.. Стены, которые возвел сам Аполлон... смертным их было не сокрушить. Зачем же Гектор вышел за эти стены?.. Кто его уговорил... убедил... заставил? Ему было не победить. Это было невозможно. Ахилл был признанный всеми лучший боец ойкумены. Гектор – очень хороший гоплит. Но это все.

Мало того... Патрокла убил Гектор. Его доспехи достались троянцам, но по просьбе богини... богини Фетиды... матери Ахилла сам бог Гефест... бог и опекун кузнецов... лучший среди всех кузнецов сделал сыну богини невероятные новые доспехи, в которых тот становился неуязвимым. В этих доспехах нового поколения даже не Гектор, любой среди богов... кроме Зевса... возможно, Посейдона, не смог бы поразить Ахиллеса... скорее всего, это было бы не под силу даже Аресу... самому Аполлону.

Более того, доспехи Гектора морально устарели и не шли ни в какое сравнение с новыми – Ахилла.

Что говорить, хозяином нынешних доспехов Гектора ранее был Ахилл, то есть он знал о них все. Все слабые места... куда бить... Он знал о них все. Куда больше Гектора, нового владельца. И изготовитель старых доспехов... все тот же Гефест... поделился и всей имеющейся у него информацией с сыном Фетиды.

И вот я Филипп... царь Македонии... начинаю только играть в эти игры, но уже думаю... у самого Гектора были доспехи значительно хуже, чем старые доспехи Ахиллеса, те, что самовольно... взял Патрокл, но о прежних доспехах Гектора лучший боец ничего не знал. Ну, вероятно, знал о типичных слабых местах. А об усилении слабых мест ничего не знал.

Это не шутка – поединок. На этом уровне к нему готовятся. Бывает, и не готовятся. Но что говорить о трупах... те, кто хотят выжить и победить, готовятся... и цена вопроса... Смерть Патрокла... смерть Патрокла, лучшего друга мирмидонянина... цена... как подставить правильные доспехи врагу... чтобы он их взял без сомнений...

А неуязвимость самого Ахиллеса... Ту, что дала ему мать... Зачем ему вообще доспехи?.. Закаленному в огне...

Гектор оказался за стеной. Увидел Ахиллеса... и побежал... Какой же ужас он испытал, увидев такого противника... не со стены... рядом. Он пытался убежать от лучшего бегуна ойкумены... Почему...

Почему он вышел за стены Трои?..

Он не мог убежать. Никак.

Мы ничего не знаем о том, попытался ли он вернуться в Трою... и ничего не знаем о том... а открыли ли ему ворота?..

Измена... предатели... и какой божественный план с другой стороны.

Наконец... некий друг... уверяет троянца в своей помощи и обещает ему подать в нужный момент второе копьё...

Хоть что-то.

Гектор останавливается. Скорее всего, он устал от бесполезного бега. Ахиллес преследовал, но не приближался... не догонял... пусть вымотается совсем... тогда вот...

И метнул копьё. Оба метнули копьё. Но с первого раза не побеждают таких противников. И Ахиллесу подают второе копьё. А Гектор без копьё. Без.

Никакой это не поединок. Это – убийство.

Какие поединки... Побеждать необходимо.

Значит, ее зовут Миртала... а при рождении ее назвали Поликсена... После свадьбы я ей дам имя Олимпиас... в честь состязаний! Га-га-га!

Филипп орал во всю свою глотку горца:

– Миртала – говоришь! Миртала!.. Миртала!..

И, свалившись с нее, выдохнул:

– Ты – Олимпиас!.. Олимпиада... Олимпиас!

Дикая жара. Даже ночью. Он был мокрым насквозь. Пот тек по лицу... волосам... Рядом лежала хрупкая нежная безупречная абсолютная красота... и улыбалась.

Колдунья... она, как Медея...

В ужасе произнес вслух:

– Медея...

Эпиротка мечтательно смотрела широко закрытыми глазами в небо.

Сплетники

- Хорошее вино в этом году.
- Что ты скажешь о молодоженах?
- Филипп и эта... колдунья...
- Она – жрица...
- Не называй имен.

Чистый Терсит... горбат, плешив... Фии-липпп... еще и заикается.

- Конечно. Какие могут быть имена... Я даже ее имя избегаю произносить.
- Я заметил... как и Филипп... сироту, которую посвящали одновременно с ним. Он уговорил ее дядю...
- Арибба?
- Ну, да... и свадьба их была слажена.
- Филипп... Не называй имен.
- Царь Македонии... Опять сорвалось...
- А о ком мы все время говорим?
- Будем говорить еще больше.
- Боюсь, что да... Так вот, впервые он встретил ее на острове Самофракия, где их обоих посвящали в мистерии.
- Да-да... Кабиры...
- Ее отец Неоптолем царствовал недолго, на эпирский престол взошел его брат Арриба, который и выдал племянницу за Филиппа.
- Да-да, ее отец... Отец её умер очень рано, оставив после себя дочь и сына Александра. А вскоре вслед за мужем на тот свет отправилась и его вдова-царица... полная сирота...

-
- Помнишь, как мы говорили о зловещей свадьбе?..
 - Как я мог забыть...
 - Допей вино. Скоро будем уходить.
 - Так что?
 - Ты же знаешь... у них родился сын Александр... во время грозы...

Во время грозы

– Филипп принадлежит к Гераклидам, потомкам Карана... Каран... легендарный основатель македонского царства...

– Пей лучше... и помалкивай...

– Пей!

– Нет, слушай... жене рассказали... какая-то соседка... Накануне той ночи, когда невесту с женихом закрыли в брачном покое, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома, и молния ударила ей в чрево, и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли.

– Пей, тебе говорят...

Царю было нехорошо. Совсем плохо ему было. Вчера он напился... А была же брачная ночь... Все равно напился. И ему было плохо. Но как он пил вчера!.. Ой! Плохо!

Никаких сил. Надо бросать пить. Пить надо... Бросить пить? С ума что ли он сошел? Такую глупость подумать! Ни за что!

Надо попробовать уснуть. Может, как-то станет лучше...

А что было вчера... гроза... а еще я женился... какое тело... какой зад у нее... хорошо я помял... как мне плохо!

После тяжелого сна все же стало легче. Но что-то давило и какая-то тяжесть... Он вспомнил... Обычно он не помнил снов... Но тут...

Филиппу приснилось, что он запечатал чрево жены: на печати, как ему показалось, был вырезан лев.

-
- Что тебе приснилось? Смотри, чтобы кто другой не распечатал! Гага!
 - Что с того? А он снова запечатает!
 - А кто-то... тот... кто-то... опять распечатает! Го-го-го!
-

Филипп посмеялся вместе со всеми. Запомнил при этом, кто и как смеялся... тем более, говорил... И решил перепроверить...

Так, так... Аристандр из Тельмесса сказал, что Олимпиас беременна, ибо ничего пустого не запечатывают, и что беременна она сыном, который будет обладать отважным, львиным характером.

- Слушай, слушай!
 - Что еще? Какая-то тетка сказала...
 - Именно. Однажды увидели змея, который лежал, вытянувшись вдоль тела спящей Олимпиас; говорят, что это больше, чем что-либо другое, охладило влечение и любовь Филиппа к жене, и он стал реже проводить с нею ночи – то ли потому, что боялся, как бы женщина его не околдовала или же не опоила, то ли считая, что она связана с высшим существом, и потому избегая близости с ней.
 - Будь поосторожнее с этой теткой...
-

– ...все женщины той страны участвуют в орфических таинствах и в оргиях в честь Диониса; участниц таинств называют клодонками и мималлонками, а действия их во многом сходны с обрядами эдонянок, а также фракиянок, живущих у подножья Гемоса... этим последним, по-моему, обязано своим происхождением слово «фрэскэуэйн» [th[^]skeuein], служащее для обозначения неумеренных, сопряженных с излишествами священнодействий... Олимпиас ревностнее других привержена этим таинствам и неистовствовала совсем по-варварски; во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща и из священных корзин, они обвивали тирсы и венки женщин.

- Филиппу действительно стоит опасаться. Агава и голова Пентея... голова льва...
 - Осторожным уж точно.
 - Эти женщины из Эпира... Варварам закон не писан.
-

– После явившегося ему знамения Филипп отправил в Дельфы мегалополитанца Херона, и тот привез ему оракул Аполлона, предписывавший приносить жертвы Аммону и чтить этого бога больше всех других.

– Я помню этого варвара из Македонии. Он был в Афинах. Что из этого... Не много ли чести мы ему оказываем, уделяя столько внимания и времени?

– Македонянин уже практически создал сильную армию.

– Для Македонии?

– Сильную армию.

– А я тебе конкретно говорю, что Филипп потерял тот глаз, которым он, подглядывая сквозь щель в двери, увидел бога, спавшего в образе змея с его женой!

– Наливай! И что же делал с ней этот... самый змей?

– Что делал? А именно то и делал!

...потерял тот глаз... во время осады Мефоны в прибрежной Македонии...

– Подруга, только никому не говори... отец Александра не Филипп, которого раздражает любовь Олимпиас к змеям, а Зевс. Сам Зевс, овладевший Олимпиас во время грозы! Поняла?

Александр родился в шестой день месяца гекатомбеона, который у македонян называется лой, в тот самый день, когда был сожжен храм Артемиды Эфесской. По этому поводу Гегесий из Магнесии произнес остроту, от которой веет таким холодом, что он мог бы заморозить пламя пожара, уничтожившего храм. «Нет ничего удивительного, – сказал он, – в том, что храм Артемиды сгорел: ведь богиня была в это время занята, помогая Александру появиться на свет». Находившиеся в Эфесе маги считали несчастье, приключившееся с храмом, предвестием новых бед; они бегали по городу, били себя по лицу и кричали, что этот день породил горе и великое бедствие для Азии. Филипп, который только что завоевал Потидею, одновременно получил три известия: во-первых, что Парменион в большой битве победил иллирийцев, во-вторых, что принадлежавшая ему скаковая лошадь одержала победу на Олимпийских играх, и, наконец, третье – о рождении Александра. Вполне понятно, что Филипп был сильно обрадован, а предсказатели умножили его радость объявив, что сын, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим.

Избранные

Александр ничего не делал. Просто ничего не делал. Нет. Не отдыхал. Ничего... ничего не делал.

Отец был очень непростым человеком. Царь... Но дело было не в этом... не только в этом. Он был избранным. Он сделал все от него зависящее, чтобы избранным был и его сын. Я.

Филипп призвал Аристотеля, самого знаменитого и ученого из философов... Аристотель еще не был «самым знаменитым» из философов, но он был свойственником правителя малоазиатского Атарнея, где Филипп рассчитывал иметь опору против персидского царя... а за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: царь восстановил им же самым разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан. Для занятий и бесед он отвел Аристотелю и мне рощу около Миезы, посвященную нимфам.

Учения о нравственности и государстве... тайные, более глубокие учения, которые философы называли «устными» и «скрытыми» и не предавали широкой огласке. Среди сочинений Аристотеля были «эксотерические», предназначенные для всякого читателя, и «эсотерические», предназначенные для учеников и последователей...

Уже здесь в Азии, я узнал, что Аристотель некоторые из этих учений обнародовал в книгах, и написал ему откровенное письмо в защиту философии следующего содержания:

«Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров».

Успокаивая... пытаюсь успокоить... Аристотель оправдывался, утверждая, что эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы.

...сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения.

Не в этом дело. Знание не предназначено для всех. Тем более, тайное. Оно опасно. Даже для них самих. Опасны потрясения основ. И не нужны никому. И даже не каждому царю... избранность не грозит всем... даже царю... и не избранным опасна безобидная философия... опасно тайное знание... дурак... обремененный опасным знанием, опасен...

Тупой философ... разве такое возможно... он любит Софию... а она его?..

... изучение наук и чтение книг... изучение «Илиады» – хорошее средство для достижения военной доблести. Список «Илиады», исправленный Аристотелем... кто-то ему дал название... «Илиада из шкатулки»... всегда при мне... под подушкой вместе с кинжалом.

Кто-то... опять этот кто-то... пора спецслужбе заняться этим кто-то и узнать хотя бы, кто он... но тут я обойдусь, пожалуй, без нее...

Итак, кто-то сообщает, что Александр сначала восхищался Аристотелем и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно.

М-да, кто-то... скорее всего, сам Аристотель. При чем тут «по его наущению»... ясное дело, что он не бегал по Афинам с соответствующим криком. Сам не бегал.

И некто... Аристотель... далее сообщает... что...

Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем, не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред, но уже самое ослабление его любви и привязанности к философу было свидетельством отчуждения.

А чего же он ждал другого... после... а я думал, что философы тоже... и не всякие цари... кто же тогда...

Дела семейные

– Так вот. Когда Филипп пошел походом против византийцев, Александр, которому было только шестнадцать лет, остался правителем Македонии, и ему была доверена государственная печать. Да, знаю я. Все знают. И то, что Александр участвовал также в битве при Херонее и, говорят, первый бросился в бой со священным отрядом фиванцев. Все это знают.

– Понимаешь, известно, да. Так вот... За все это Филипп, естественно, очень любил сына, так что даже радовался, когда македоняне называли Александра своим царем, а Филиппа полководцем.

– Не уверен.

– Я тоже. Но есть такая версия.

– У нас появились некоторые возможности... македонский варвар может рухнуть сам по себе.

– Сами по себе даже деревья в лесу не падают.

– Согласен. В том то и дело. У него проблемы в семье.

– Проблемы в семье... В семье всегда проблемы. В любой... всегда... Слушай, слушай...

– ... Однако неприятности в царской семье, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа, перешагнули за пределы женской половины его дома и стали влиять на положение дел в государстве; это порождает многочисленные жалобы и жестокие раздоры, которые усугубляются тяжестью нрава ревливой и скорой на гнев Олимпиас, постоянно восстанавливающей Александра против отца.

– О-о!!!

Сколько же будут говорить о тяжести нрава матери... Какая жена будет счастлива, если муж ей изменяет... открыто или нет... но она знает, он знает, что она знает... и все всё знают...

С другой стороны, а разве бывает иначе?.. В Эпире, в Македонии, в Афинах... Спарта – не в счет. О придурках ни слова.

– Самая сильная ссора между ними произошла по вине Атгала...

– Я не понимаю, кто такой Атгал?..

– Что непонятного? Дядя невесты!

– Царь снова женится! Слава царю!

– Что, еще разок?! Слава царю!

– Свадьба сегодня!
– Как он торопится! Каков молодец!.. А сколько ему лет?.. сколько, сколько?.., он себя не бережет! Слава царю!

– Клеопатра, конечно, хороша, слов нет, кто бы отказался?
– Только не Филипп.
– А что молосская царица...
– Потише...

Александр вошел к отцу именно в ту минуту, когда тот пыхтя, вталкивался в попку новой невесты... и втокнулся, судя по изданному ею воплю, при этом она не вырывалась, терпеливо блюдя заветы дяди.

Филипп заметив сына, недовольно прохрипел:
– Чего тебе? Не видишь, я занят!
– Мы же договорились, что обсудим вопрос коней у гетайров. Сам знаешь, насколько это важно для похода. Того самого.
– Потом... потом... поз... же!..

Александр вышел.

Свадебное пиршество продолжалось. Громче всех орал дядя невесты Аттал. Богатство рода, его личное, знатность... и сам он буйный, наглый – все настораживало. И сейчас, воспользовавшись гнусными вкусами Филиппа, подбросив тому собственную племянницу Клеопатру, он еще больше приблизился к трону.

Увидев сына царя, Аттал, опьянев от счастья, что его племянница в этот момент максимально приблизилась к царю, и вина, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола.

– Настоящий царь, македонский, а не эпирский ублюдок!

Взбешенный этим Александр с криком: «Так что же, негодяй, я по-твоему незаконно-рожденный, что ли?» швырнул в Аттала чашу. И попал. В бровь. Из рассеченной брови потекла кровь. Сначала появилась маленькая струйка... затем кровотечение усилилось... Появился покачивающийся царь. Как раз в самый волнительный момент любви новоявленных родичей.

Раздраженный... многим... и возбужденный... Филипп бросился на сына, обнажив меч...

Лезвие сверкнуло... и кровавые блики от факела задрожали под порывом ветра...

От вида страшного зрелища все замерло и стихло, но приступ гнева, ударивший прежде всего в голову, и немерено выпитое вино, ударившее туда же, но еще и в ноги, сделали свое дело: царь споткнулся, запутался в оснастке и оружии и тяжело, с невероятным грохотом рухнул, жестко ударившись всем телом.

Не сводя с него свинцового взгляда, с кривой улыбкой, показав зубы в свирепом оскале, Александр, издеваясь над отцом, сказал: «Смотрите люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу».

Царь стал медленно собирать себя по кусочку, опасаясь встать, чтобы не рассыпаться.

– После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиас и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии.

Когда-то... это было... Филипп стянул свои войска к границе Эпира, и Олимпиас доби- лась, что Арибба отпустил ее брата Александра. Через девять лет тот стал правителем Эпира, а Арибба был изгнан из страны. Чего тот так боялся, свершилось! Она же стала неоценимой помощницей брата в управлении своей родиной.

– Что сказать... В это время коринфянин Демарат, связанный с царским домом узами гостеприимства и пользовавшийся поэтому правом свободно говорить с царем, приехал к Филиппу.

– И?

– После первых приветствий и обмена любезностями Филипп спросил его, как ладят между собою эллины. «Что и говорить, Филипп, кому как не тебе заботиться об Элладе, – отвечал Демарат, – тебе, который в свой собственный дом внес распрю и беды!».

– Вечно эти коринфяне влезут не в свое дело!

– А как славно могло получиться...

Мать и сын

- Что же делать... что же делать...
- Почему ты так в этот раз переживаешь?
- Ты не понимаешь?.. Ты не понимаешь.
- Ноу него столько уже было других жен.
- Да, Филипп и раньше брал других жен, но те... жалкие дворняжки... не могли повлиять на твое и мое положение. А теперь... Все иначе.
- Про тебя говорят: властолюбивая эпирская царица.
- Это – правда. Но не вся правда. Истинная правда в том, что для них ты не македонянин. А они не хотят такого царя. И Филипп знает это. И Аттал.
- Я это тоже знаю.
- Да. Ты давно это почувствовал.
- С меня давно сорвали кожу.
- Только ты настоящий царь... мой царь... твое... благоухание... знак божественного происхождения...
- Этого мало.
- Его надо убить.
- Уезжай в Эпир. К себе. Там ты будешь ждать.
- Только не делай глупостей. Твой отец очень умен. У него один глаз, которым он видит больше, чем остальные двумя.
- Ничего не бойся. Этим способом она не сможет ему родить сына.
- Это ничего не значит. Ты не знаешь женщин. Вместе со своим дядей они смогут что-нибудь придумать.
- Все равно, это – время. Они не успеют. Уезжай в Эпир.

Олимпиас уехала на родину в Эпир. Александр сам поселился в Иллирии.

- Филипп одумался, и послал за Александром, уговорив его, через посредничество Демарата, вернуться домой.
- Как жаль, как жаль...
- Вечно эти коринфяне влезут! Вечно...

Смерть отца

Царь задержался перед тем, как показаться народу...

Филипп как-то стал страшно уставать... Он стал медленнее. Да, свершилась его мечта. Он – гегемон Эллады! И нет, нет чего-то... когда ему представлялось, что наступит этот момент... и вся Эллада... все эти Афины... Фивы... и даже Спарта... И он... как ему тогда в лицо говорили... козий... еще хуже... овечий царь... царь овец... царь над овцами!.. Гегемон Эллады... и эти все... из полисов... мелкие какие-то... возятся где-то внизу... демократы козлиные!.. под ногами крутятся... раздавлю как-нибудь... когда руки дойдут... а, может, не буду трогать – они... некоторые... полезны... очень... кто-то стоит за спиной...

Филипп крутнул своим единственным глазом... не поворачивая головы... этому... боковое зрение... долго его учили... Павсаний... как это он здесь оказался... как телохранители пропустили... а он же сам телохранитель...

Обычно после такого, когда оно уже произошло... этот... становился ему почему-то неприятен... Царь не стал поворачиваться... Он стоял спиной к Павсанию...

Нельзя стоять спиной к... тому, кто, возможно, опасен... этот... как его... опасен... ерунд... и он вдруг почувствовал...

Острое лезвие вошло, как в масло.

Ранее.

Александр стоял и о чем-то думал... нет, он не думал... ни о чем... его напряженный взгляд... в никуда... обычно проходили мимо... пугливо озираясь... с шелестом... ссын ццаря... ссын ццаря... ссын ццаря...

Этот... подошел и о чем-то стал жаловаться... он долго жаловался... кажется, на свою судьбу... что-то некрасивое... кажется, он услышал... Аттал... Клеопатра... мерзкие имена... А-а, и Филипп... он не обращал внимания на говорившего...

Всем отомстить – отцу, невесте, жениху.

Эринии сказали...

Стих из «Медеи» Эврипида... у Эврипида... Креонт, Креуса и Ясон, которым грозит отомстить Медея... Агтал, Клеопатра.

– Так я рассказываю... когда после нанесенного ему оскорбления, Павсаний встретил Александра и пожаловался ему на свою судьбу, тот ответил стихом из «Медеи»:

Всем отомстить – отцу, невесте, жениху.

– Ага!

– Я так и думал, что за этим убийством стоит Александр!

– Ну, по нашим сведениям... Когда Павсаний, потерпевший жестокую обиду из-за Агтала и Клеопатры, не нашел справедливости у Филиппа и убил его, то в этом преступлении больше всего обвиняют Олимпиас, утверждая, будто она подговорила и побудила к действию разъяренного молодого человека.

– Обвинение коснулось и Александра...

– Да. Темная история.

– Смотрите, Олимпиас уехала на родину в Эпир. Год спустя Филипп был убит, и она вернулась

– Тем не менее, разыскав участников заговора, Александр наказал их.

– Итак, двадцати лет от роду Александр получил царство, которому из-за сильной зависти и страшной ненависти соседей грозили со всех сторон.

ФИВЫ

Я – царь.

В двадцать лет я... Александр... получил царство, которому из-за сильной зависти и страшной ненависти соседей грозят со всех сторон опасности.

Варварские племена хотят восстановить существовавшую у них царскую власть... не мою...

И Фивы... восставшие Фивы... сфинкс... Эдип... Лайи и Эдип... гнусная история... проклятый город...

Проклятому городу быть проклятым. Этот город не любят. Его окружает ненависть. И на его примере... а почему я должен жалеть... их ненавидят... фиванцы прокляты... значит... значит, такова воля богов и моя. Моя воля.

– Филипп, покорявший силой оружия, не успел принудить их смириться и покорно нести свое бремя. Филипп только перевернул и смешал все, оставив страну в великом разброде и волнении.

– Фивы – первые.

– Вовсе не следует вмешиваться в эти дела и прибегать там к насилию, а за Фивами...

– Афины... Спарта...

– Сама Спарта!

– А тут еще восставшие варвары!

– Их надо привести к покорности, но не обращаясь к жестоким мерам и стараясь пресекать попытки к перевороту в самом зародыше. Как-то так.

– Как так?

– Не знаю. Как-то...

– Я выслушал вас всех. Никто даже не упомянул о дерзости и неустрашимости... ладно... но я полагаю, что, прояви хоть малейшую уступчивость, и все враги тотчас набросятся на Македонию. Поэтому...

– Македонский ублюдок! Волнениям среди варваров и войнам в их землях он сразу же положил конец, быстро пройдя с войском вплоть до реки Истра, где в большой битве разбил царя трибаллов Сирма.

– Лично я хорошо помню битву при Херонее. И Александра тогда. И там.

– И что? Что он тогда и там?

– Видишь ли... именно, он ее выиграл. Есть мнение. Серьезных стратегов.

– Кто они?

– Имен я не назову.

– Трусы! Вот кто они!

– Да, нет. Это – серьезные люди, и они полагают, что Александра следует опасаться.

– Вы тут спорите! А Фивы уже выступили!

Все-таки не удалось сдержать... Фивы не ограничились словами. И это – хорошо.

– Узнав, что фиванцы восстали и что афиняне в союзе с ними, Александр немедленно повел свои войска через Фермопилы и объявил, что он хочет, чтобы Демосфен, который назвал его мальчишкой, когда он воевал с иллирийцами и трибаллами, и подростком, когда он достиг Фессалии, увидел его мужчиной под стенами Афин.

Ххх... Под стенами я докажу, что уже не мальчишка.

– Подойдя к Фивам, Александр, желая еще раз дать жителям возможность раскаяться в содеянном, потребовал выдать только своих явных врагов и обещал безнаказанность тем, кто перейдет на его сторону.

– И?..

– Фиванцы, со своей стороны, потребовали выдачи Филота и Антипатра и призвали тех, кто хочет помочь освобождению от Македонии, перейти на их сторону.

– Что тогда?

– Тогда Александр приказал македонянам начать сражение.

– Что это сошло с места и пошло вперед?..

– Это... Это и есть македонская фаланга.

– Она же сметает все со своего пути. Неумолимая и страшная в безмолвии.

Жуткий каждый шаг каждого фалангита, сливающийся в один шаг фаланги... Этот невыносимый гул... он бьет прямо в сердце...

Фиванцы бились с мужеством и доблестью, превышавшими их силы, оказывая сопротивление врагу во много раз более многочисленному. Однако, когда македонский гарнизон, занимавший Кадмею, выйдя из крепости, напал на них с тыла, большинство фиванцев попало в окружение и погибло в битве.

- Царь! Победа! Полная победа!!!
 - Царь, нужно остановить фалангу. Город уже твой. А они...
 - Город их. Фивы их. Фиванцы их. Я наложил на них свою руку. И нет им пощады.
-

Копье пронзило хитон, кожу, мясо, кость – и глухо ударило в стену.

– Город был взят, разграблен и стерт с лица земли. Александр уверен, что Эллада, потрясенная таким бедствием, впредь из страха будет сохранять спокойствие; кроме того, он оправдывает свои действия тем, что удовлетворил своих союзников, так как фокейцы и платейцы выдвигали против фиванцев ряд обвинений. Пощадив только жрецов, граждан, связанных с македонянами узами гостеприимства, потомков Пиндара, а также тех, кто голосовал против восстания, Александр продал всех остальных в рабство, а их оказалось более тридцати тысяч. Убитых более шести тысяч.

- Кто стерег Фивы?..
- Что ты так переживаешь?
- Неужели ты не понимаешь? Александр показал всей Элладе, что теперь никто и ничто его не остановит. Я даже начинаю сочувствовать персам... Ты, действительно, ничего не слышал о Тимоклее?
- Тимоклея... Тимоклея... что-то знакомое...
- Ты был у нее дома прошлым летом...
- Да-да. Очень приличная женщина... гостеприимная... статная... величавая...
- Несколько фракийцев ворвались в дом Тимоклеи, женщины добродетельной и доброй славы. Пока рядовые воины грабили, их предводитель насильно овладел женщиной...

С фракийца капала кровь... чужая... пот... свой... стекал... железо доспехов повсюду сдирало полоски кожи...

– ...а потом спросил ее, не спрятала ли она где-нибудь золото или серебро.

Тимоклея ответила утвердительно и, отведя фракийца в сад, показала колодец, куда, по ее словам, она бросила во время взятия города самые ценные из своих сокровищ.

Спина... спина... он подставил спину... не думая... не думая... быстрее... с одного шага... А-а!

– Герой наклонился над колодцем, чтобы заглянуть туда, а Тимоклея, став сзади, столкнула его вниз и бросала камни до тех пор, пока не убила. Когда связанную Тимоклею привели к Александру, уже по походке и осанке можно было судить о величии духа этой женщины – так спокойно и бесстрашно следовала она за ведущими ее фракийцами. Что с ней до этого еще делали пьяные варвары – не скажу.

На вопрос царя, кто она такая, Тимоклея ответила, что она сестра полководца Феагена, сражавшегося против Филиппа за свободу и павшего при Херонее. Пораженный ее ответом и тем, что она сделала, Александр приказал отпустить на свободу и женщину, и ее детей.

Он уже может себе позволить быть даже великодушным.

– Ну, в сущности, я не думаю, что он свирепый варвар.

– Уже Филипп не был варваром, а Александр... Мы его боимся. И в его великодушии.

Он доказал...

– Но он и не эллин!

– Конечно.

«Великий царь царей!

Ныне же сообщаю тебе, что Александр заключил мир с афинянами, несмотря на то, что они проявили большое сочувствие к бедствию, постигшему Фивы: уже начав справлять таинства, они в знак траура отменили праздник и оказали всяческую поддержку беглецам из Фив. То ли потому, что Александр, подобно льву, уже насытил свой гнев, то ли потому, что он хотел противопоставить жесточайшему и бесчеловечнейшему деянию милосердный поступок, однако царь не только простил афинянам все их провинности, но даже дал им наказ внимательно следить за положением дел в стране: по его мысли, в том случае, если бы с ним случилась беда, именно Афинам предстояло править.

Говорят, что Александр не раз сожалел о несчастье фиванцев, и это заставляло его со многими из них обходиться милостиво».

Отъезд

... – Год спустя Филипп был убит, и она вернулась...

– Значит, так. Олимпиас, провожая Александра в поход, ему одному открыла тайну его рождения и настоятельно просила его не уронить величия своего происхождения.

– Да что за чушь! Олимпиада все время опровергает эти толки и восклицала при этом: «Когда же Александр перестанет оговаривать меня перед Герой?»

– Он очень умен. Запущен слух, будто отцом Александра был не Филипп, которого отталкивала любовь Олимпиас к змеям, а Зевс, овладевший Олимпиас во время грозы. Слух появился еще при Филиппе. Интересно другое. Сам Александр поддерживает существование этой легенды в политических целях, но считает своим отцом именно Филиппа.

– Кто знает, кто знает...

– Думать можно все. Почему нет?

Эллины... Эллада... эллинизм... что это вообще такое?.. с чего они решили, что... а и еще... я пленен идеалами Эллады... неплохо... они эллины и не пленены, а я пленен... плевали они сами на... а я, стало быть, варвар... Ну, что, я им чужд. И они мне. Если честно, не знаю, как бы я относился к ним, если бы они воспринимали меня иначе, но для них всех я – варвар. Ладно. Человек не... не афинянин, не коринфянин, не... Не!

Чужой для любого кусочка Эллады. И то же самое и в Македонии. Эпирот – и другого в Македонии и не могло быть. Он и Миртала, оба не только мать и сын. Они – чужие. Их не понимают и не любят. Кто-то даже и восторгается. Но не любят.

Ненавидят ли? От не любят до ненавидят – не так долго...

Но не в этом дело. Здесь корни не только наглости Аттала, но и уверенности в своем. Он – признанный настоящий полноценный македонянин. И его племянница. А мы?..

– А эти... Эпиротка и ее сын-полукровка!

... Средств на содержание войска не более семидесяти талантов, продовольствия только на тридцать дней, кроме того, будущий... нет, просто великий! царь задолжал двести талантов. И...

– Несмотря на то, что при выступлении Александр располагал столь немногим и был так стеснен в средствах, царь прежде, чем взойти на корабль, разузнал об имущественном положении своих друзей и одного наделил поместьем, другого – деревней, третьего – доходами с какого-нибудь поселения или гавани.

Когда, наконец, почти все царское достояние было распределено и роздано, Пердикка спросил его: «Что же, царь, оставляешь ты себе?» «Надежды!» – ответил Александр. «В таком случае, – сказал Пердикка, – и мы, выступающие вместе с тобой, хотим иметь в них долю».

Пердикка отказался от пожалованного ему имущества, и некоторые из друзей Александра последовали его примеру.

Тем же, кто просил и принимал его благодарения, Александр дарил охотно, и таким образом он роздал почти все, чем владел в Македонии.

«С такой решимостью и таким образом мыслей Александр переправился через Геллеспонт».

Граник

... Полководцы Дария собрали большое войско и построили его у переправы через Граник. Сражение...

Ворота Азии, и, чтобы начать вторжение, надо биться за право входа.

... многих пугала глубина реки, обрывистость и крутизна противоположного берега, который предстояло брать с боем.

Некоторые полагали также, что следует считаться с обычаем, установившимся в отношении месяца десья: в этом месяце македонские цари обыкновенно не начинали походов.

Александр приказал называть этот месяц вторым артемисием...

Пармениону, который, уже сорвав голос, хрипел, что в такое позднее время дня переправа слишком рискованна, Александр прокричал, что ему будет стыдно перед Геллеспонтом, если, переправившись через пролив, он убоится Граника, и с тринадцатью илами всадников царь бросился в реку.

Он вел войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой, и казалось, что им руководит не разум, а безрассудство, и что он действует, как безумец...

Александр упорно продолжал переправу и ценой огромного напряжения сил овладел противоположным глинистым берегом, мокрым и скользким.

Завязалось беспорядочное сражение, воины в одиночку вступали в рукопашный бой с наступающим противником, пока, наконец, удалось построить войско хоть в какой-то боевой порядок.

Персы нападали с криком, направляя конницу против конницы; всадники пускали в ход копья, а когда копья сломались, стали биться мечами.

Многие устремились на Александра, которого легко было узнать по щиту и по султану на шлеме: с обеих сторон султана было по перу удивительной величины и белизны.

Искандер! Искандер!

Два рога!!!

Зуль Карнайн!!!

Пущенный в царя дротик пробил сгиб панциря, но тела не коснулся. Тут на Александра одновременно бросились два персидских военачальника, Ресак и Спифридат. От одного царь увернулся, а на Ресака напал первым и ударил его копьем, но копье от удара о панцирь сломалось, и Александр взялся за меч.

Спифридат, остановив коня сбоку от сражавшихся и быстро приподнявшись в седле, нанес Александру удар персидской саблей.

Гребень шлема с одним из перьев отлетел, и шлем едва выдержал удар, так что острие сабли коснулось волос Александра.

Спифридат снова приподнялся, но перса опередил Клит, по прозвищу Черный, пронзив его насквозь копьем. Одновременно упал и Ресак, пораженный мечом Александра.

Двурогий!

Кровавое месиво шевелилось, не останавливаясь.

Наконец, македонская фаланга переправилась через реку и сошлась с пехотой противника.

Фаланга смяла противника.

Персы сопротивлялись вяло и недолго; в скором времени все, кроме наемников, обратились в бегство. Эти последние, сомкнув ряды у подножья какого-то холма, были готовы сдаться при условии, если Александр обещает им безопасность.

Александр напал на них первым и при этом потерял своего коня, пораженного в бок мечом (это был не Буцефал, а другой конь).

Именно в этой схватке больше всего македонян было ранено и убито...

Взяв город Гордый, который был родиной царя Мидаса, Александр увидел знаменитую колесницу, дышло которой было скреплено с ярмом кизиловой корою, и услышал, что тому, кто развяжет узел, закреплявший ярмо, суждено стать царем всего мира.

— Запутанный страшно узел... а концы так искусно запрятаны, что Александр не сумел его развязать и разрубил мечом!

— Чуть собачья! Александру легко удалось разрешить задачу и освободить ярмо, вынув из переднего конца дышла крюк – так называемый «гестор» [hestor], которым закрепляется ярменный ремень.

Царем всего мира...

Болезнь Александра

Было шестьсот тысяч, и шли они, и дрожала земля. И царь царей наслаждался этим. И верил он, что пройдут они так же через врагов его, и наступит так конец тех проклятых...

Ночью Дарий вскочил от приснившегося ему сна. И приснилось ему, что македонская фаланга вся объята огнем, и что Александр прислуживает ему, а на Александре та самая стола, которую он, Дарий, носил, еще будучи царским гонцом; потом Александр вошел в храм Бела и исчез. И царь царей поверил, что этот огонь уничтожит фалангу.

– Есть новости?

– Есть. Искандер заболел.

– И что же?

– Неизвестная была болезнь царя... переутомление... простуда после купанья в ледяной воде реки Кидна. Никто из врачей не решался лечить Александра, считая, что опасность слишком велика и что ее нельзя одолеть никаким лекарством; а в случае неудачи врачи боялись навлечь на себя обвинения и гнев македонян.

– Неужели умер!!! Хвала...

– Один только Филипп, акарнанец, видя тяжелое состояние больного, разделил опасность с Александром. Он приготовил лекарство и убедил царя выпить его, если он желает восстановить свои силы для продолжения войны. В это самое время находившийся в лагере македонян Парменион послал царю письмо, советуя ему остерегаться Филиппа, так как Дарий будто бы посулил врачу большие подарки и руку своей дочери и тем склонил его к убийству Александра. Царь прочитал письмо и, не показав его никому из друзей, положил себе под подушку. В уставленный час Филипп в сопровождении друзей царя вошел к нему, неся чашу с лекарством. Александр передал ему письмо, а сам без колебаний взял у него из рук лекарство. Это было удивительное, достойное созерцания зрелище. В то время как Филипп читал письмо, Александр пил лекарство, затем оба одновременно взглянули друг на друга, но несходно было их поведение: на ясном, открытом лице Александра отражалось благоволение и доверие к Филиппу, между тем как врач, возмущенный клеветой, то воздымал руки к небу и призывал богов в свидетели, то, бросаясь к ложу царя, умолял его мужаться и доверять ему. Лекарство сначала очень сильно подействовало на Александра и как бы загнало вглубь его телесные силы: утратив дар речи, больной впал в беспамятство и едва подавал признаки жизни. Вскоре, однако, Александр был приведен Филиппом в чувство, быстро окреп и, наконец, появился перед македонянами, уныние которых не прекращалось, пока они не увидели царя.

– Нужно обратить внимание на это.

– На что?

– Холодная вода. Видимо, холод... Я еще подумаю...

Победитель

У Дария находился бежавший со своей родины македонянин по имени Аминт, хорошо знавший Александра.

Видя, что Дарий намеревается идти на Александра узкими горными проходами, Аминт посоветовал персидскому царю оставаться на месте, чтобы дать сражение на широких, открытых равнинах и использовать свое значительное численное превосходство.

Дарий ответил, что боится, как бы Александр от него не убежал.

«Этого, царь, – сказал Аминт, – ты можешь не опасаться. Александр обязательно пойдет против тебя и, наверно, уже идет». Однако Аминт не сумел убедить царя.

Ночью оба войска разминулись, и каждое тотчас повернуло назад. Александр спешил захватить персов в горных проходах, а Дарий стремился вывести свою армию из теснин и вернуться в прежний лагерь. Он уже осознал, что совершил ошибку, вступив в эту сильно пересеченную местность, зажатую между морем и горами, разделенную посередине рекой Пинаром и неудобную для конницы, но очень выгодную для действий малочисленных сил врага. Отличную позицию Александру предоставил противник, но победу ему обеспечило искусное командование, а не слепое счастье.

Несмотря на то, что его силы значительно уступали численностью силам варваров, Александр не дал себя окружить, напротив, обойдя своим правым крылом левое крыло вражеского войска, он ударил персам во фланг и обратил стоявших против него варваров в бегство. Сражаясь в первых рядах, Александр был ранен мечом в бедро самим Дарием, ибо дело дошло до рукопашной схватки между ними.

Он видел... видел его... мелькнули мечи... кинжалы...

Был ли это царь... или кто другой...

... был ранен в бедро кинжалом, но ранение не было опасным.

Александр одержал блестящую победу, уничтожил более ста десяти тысяч врагов, но не смог захватить Дария, который, спасаясь бегством, опередил его на четыре или пять стадиев. Во время погони Александру удалось захватить колесницу и лук царя.

После погони он обнаружил, что македоняне грабят лагерь варваров, вынося оттуда всякого рода ценности, которых было огромное множество, несмотря на то, что большую часть обоза персы оставили в Дамаске и пришли к месту битвы налегке. Воины предназначили для

Александра наполненную драгоценностями палатку Дария со множеством прислуги и богатой утварью.

Александр тотчас снял доспехи и направившись в купальню, сказал: «Пойдем, смоем пот битвы в купальне Дария!» «Не Дария, а Александра! – воскликнул один из гетайров. – Ведь собственность побежденных должна не только принадлежать победителям, но и называться по их имени».

Когда Александр увидел всякого рода сосуды – кувшины, тазы, флаконы для притираний, все искусно сделанные из чистого золота, когда он услышал удивительный запах душистых трав и других благовоний, когда, наконец, он прошел в палатку, изумлявшую своими размерами, высотой, убранством лож и столов, – царь посмотрел на своих друзей и сказал: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать!»

– Александр, взятые в плен мать, жена и две незамужние дочери Дария, увидев его колесницу и лук, зарыдали и стали бить себя в грудь, полагая, что царь погиб.

Долгое время Александр молчал: несчастья семьи Дария волновали его больше, чем собственная судьба. Наконец, он отправил Леоннату:

– Сообщи женщинам, что Дарий жив, а им нечего бояться Александра – войну он ведет только с Дарием, им же будет предоставлено все то, чем они пользовались прежде, когда еще правил Дарий.

– Александр средства на содержание семьи Дария даже увеличил.

– Однако... этим женщинам, оказавшимся у него в плену, не пришлось ни слышать, ни опасаться, ни ждать ничего такого, что могло бы их опозорить. Никто не имеет доступа к ним, не видел их, и они ведут такую жизнь, словно находятся не во вражеском лагере, а в девичьем покое.

– Жена Дария, самая красивая из всех цариц, точно так же как и Дарий был самым красивым и рослым среди мужчин; дочери же их похожи на родителей.

– Александр не тронул пленниц; вообще до своей женитьбы он не знал, кроме Барсины, ни одной женщины.

Барсина... Барсина, старшая дочь самого Дария, взятая в плен в Дамаске и ставшая любовницей Александра. Говорят, Александр последовал совету Пармениона, предложившему ему сблизиться с этой красивой и благородной женщиной.

– Не тронул дочерей Дария... кроме Барсины...

Покорная... безразличная... а какая она должна быть... мерный ритм усыплял... укачивал... голова Барсины двигалась... вперед-назад... вперед-назад... он уснул на ней... она боялась пошелохнуться... проснувшись, он автоматически продолжил движение... каккая она безразличная... никакая...

Зачем ему эти победы, если он не знает, что потом делать с добычей-

Нет победы ему нужны ради самих побед...

Честно говоря, понять его невозможно...

Никто его не понимает: ни персы, ни гетайры, ни царица, ни Барсина... может, он и в самом деле сын Зевса... но сам-то Зевс никого не пропустил... никого... чей же он сын... А Олимпиас... эта колдунья... куда до нее Медее...

Глядя на других красивых и статных пленниц, Александр сказал: – Вид персиянок мучителен для глаз.

– Царь не обращает на них никакого внимания, как будто они не живые женщины, а безжизненные статуи.

– Филоксен, командовавший войском, стоявшим на берегу моря, написал Александру, что у него находится некий тарентинец Феодор, желающий продать двух мальчиков замечательной красоты, и осведомлялся у царя, не хочет ли он их купить. Александр был крайне возмущен письмом и не раз жаловался друзьям, спрашивая, неужели Филоксен так плохо думает о нем, что предлагает ему эту мерзость. Самого Филоксена он жестоко изругал в письме и велел ему прогнать прочь Феодора вместе с его товаром. Не менее резко выбранил он и Гагнона, который написал, что собирается купить и привезти ему знаменитого в Коринфе мальчика Кробила.

– Узнав, что два македонянина, служившие под началом Пармениона, – Дамон и Тимофей, обесчестили жен каких-то наемников, царь письменно приказал Пармениону в случае, если это будет доказано, убить их, как диких зверей. В том же письме царь пишет о себе дословно следующее: «Никто не сможет сказать, что я видел жену Дария, желал ее увидеть или хотя бы прислушивался к тем, кто рассказывал мне о ее красоте».

– Александр говорит, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие проистекают от одной и той же слабости человеческой природы.

– Александр отличается также крайней воздержанностью в пище.

«Мой воспитатель, – сказал он, – имел обыкновение обшаривать мою постель и одежду, разыскивая, не спрятала ли мне туда мать какого-нибудь лакомства или чего-нибудь сверх положенного».

И к вину Александр привержен меньше, чем это обычно считают; думают же так потому, что он долго засиживался за пиршественным столом. Но в действительности Александр больше разговаривал, чем пил, и каждый кубок сопровождал длинной речью. Да и пировал он только тогда, когда у него было много свободного времени.

Если же доходило до дела, Александра не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечения, ни женщины, ни занимательные зрелища.

– Встав, он прежде всего приносит жертвы богам, а сразу после этого завтракает сидя; день он проводит в охоте, разбирает судебные дела, отдает распоряжения по войску или читает. Во время похода, если не надо торопиться, Александр упражняется в стрельбе из лука или выскакивает на ходу из движущейся колесницы и снова вскакивает в нее.

Уже поздно и темно, когда Александр, возлегая на ложе, приступает к обеду. Во время трапезы царь проявлял удивительную заботливость о сотрапезниках и внимательно наблюдает, чтобы никто не был обижен или обделен. Из-за своей разговорчивости царь много времени проводит за вином.

– В остальное время Александр самый обходительный из всех царей и умеет всех расположить к себе, но за пиршественным столом его хвастливость становится тягостной. Он сам безудержно хвастается и жадно прислушивается к словам льстецов, ставя тем самым в затруднительное положение некоторых из присутствовавших гостей, которым не хотелось ни соревноваться с льстецами, ни отставать от них в восхвалении Александра: первое казалось позорным, а второе – чреватым опасностями.

– После пира Александр совершает омовение и спит нередко до полудня, а иногда проводит в постели весь последующий день.

Как же он опустошен... нечеловеческая усталость... весь в шрамах... а что же еще ему остается, как не говорить чистую правду... чем это он мог похвастать таким, чего бы он не совершил на самом деле...

– Александр равнодушен к лакомствам и изысканным блюдам: часто, когда ему привозили с побережья редчайшие фрукты или рыбу, он все раздаривает друзьям, ничего не оставляя себе.

Однако обеды, которые устраивает Александр, всегда великолепны, и расходы на них росли вместе с его успехами, пока не достигли десяти тысяч драхм. Больше этого царь сам никогда не расходовал и не разрешал тратить тем, кто принимал его у себя.

– После битвы при Иссе Александр послал войска в Дамаск и захватил деньги, пожитки, жен и детей персов. Большая часть добычи досталась фессалийским всадникам, особо отличившимся в битве: Александр намеренно послал в Дамаск именно их, желая дать им возможность обогатиться. Остальное войско Александра также имело все в изобилии. Македоняне тогда впервые научились ценить золото, серебро, женщин, вкусили прелесть варварского образа жизни и, точно псы, почуявшие след, торопились разыскать и захватить все богатства персов.

СНЫ

Вся Финикия покорилась – за исключением Тира. Александр осаждал Тир в течение семи месяцев: он насыпал валы, соорудил военные машины и запер город со стороны моря флотом в двести триер. Во время осады Александр увидел во сне, что Геракл протягивает ему со стены руку и зовет его к себе.

Тода же многим жителям Тира приснилось, будто Аполлон сказал, что он перейдет к Александру, так как ему не нравится то, что происходит в городе.

И, словно человека, пойманного с поличным при попытке перебежать к врагу, тирийцы опутали огромную статую бога веревками и пригвоздили ее к цоколю, обзывая Аполлона «александристом».

– А-лек-сандрист! – А-лек-сандрист! – А-лек-сандрист!

– Тир обречен. Они сошли с ума.

– Александру приснился еще один сон: он увидел сатира, который издали заигрывал с ним, но увертывался и убегал, когда царь пытался его схватить, и дал себя поймать лишь после долгой погони и уговоров.

– Прорицатели убедительно истолковали этот сон, разделив слово «сатир» на две части: «Са» [твой] и «Тир».

Окончание осады Тира.

– После многочисленных сражений Александр основным своим силам предоставил отдых, но, чтобы не давать покоя врагу, посылал небольшие отряды к городским стенам. В эти дни прорицатель Аристандр заклал жертву и, рассмотрев внутренности, смело объявил присутствовавшим, что город непременно будет взят еще в этом месяце.

Слова предсказателя были встречены смехом – шел последний день месяца. Увидев, что прорицатель оказался в затруднительном положении, Александр, который всегда покровитель-

ствовал гаданиям, приказал считать этот день не тридцатым, а двадцать восьмым. Затем, приказав протрубить сигнал, он начал штурмовать стены Тира более решительно, чем первоначально намеревался. Атака была столь ожесточенной, что даже оставленные в лагере не усидели на месте и бросились на помощь. Тирийцы прекратили сопротивление, и город был взят в тот же самый день.

Значительную часть захваченной здесь добычи Александр отправил Олимпиас, Клеопатре и друзьям.

Пустыня осталась позади, и царь подошел к храму, жрец Аммона, обратившись к Александру, сказал ему, что бог Аммон приветствует его как своего сына. Царь спросил, не избег ли наказания кто-либо из убийц его отца. Но жрец запретил Александру кощунствовать и сказал, что отец его – не из числа смертных. Тогда царь изменил форму вопроса и осведомился, все ли убийцы Филиппа понесли наказание, а затем спросил о себе, будет ли ему дано стать властителем всех людей. Бог ответил, что это будет ему дано, и что Филипп отомщен полностью. Царь принес богу великолепные дары, а людям роздал деньги.

– Сам же Александр в письме к матери говорит, что он получил некие тайные предсказания, о которых по возвращении расскажет ей одной.

О чем он хочет сказать ей... что еще он узнал... как будто ему и так недостаточно знания... одноглазый накормил его так, что народы задрожали...

Она вздрогнула... что ей дано... когда-то по закону Эпира, несовершеннолетние дети не могли стать царями... Дядя... Арриба... Арибба, дядя Мирталы и Александра...

...делить царство с детьми умершего брата-царя... он решил сохранить для себя престол...

... она когда-то была царской дочерью...

– Жрец, желая дружески приветствовать Александра, обратился к нему: «О пайдион!» («О, дитя!»), но из-за своего варварского произношения выговорил «с» вместо «н», так что получилось «О пайдиос!» («О, сын Зевса!»).

– Александру пришлось по душе эта оговорка!

– Бог назвал его сыном Зевса.

– Ничего смешного. Не всем удавалось даже представить, что сделал Александр.

Недавно я слушал в Египте Псаммона; из всего им сказанного больше всего мне понравилась мысль о том, что всеми людьми управляет Бог. Ибо руководящее начало в каждом человеке – Божественного происхождения. Философ так считает... Сам же я думаю, что Бог – это общий отец всех людей, но что он особо приближает к себе лучших из них.

– Говорят, что Александр держит себя по отношению к варварам очень гордо – так, словно совершенно убежден, что он происходит от богов и сын бога; с эллинами же он ведет себя сдержаннее и менее настойчиво требует, чтобы его признавали богом.

– Говорят... говорите вы тоже...

– В письме к афинянам по поводу Самоса он пишет: «Я бы не отдал вам этот свободный и прославленный город, но уж владейте им, раз вы получили его от того, кто был тогда вашим властелином и назывался моим отцом». При этом он имел в виду Филиппа.

Несчастный человек... без родины... без отца... мать же... кто бы мог подумать...

– Александр очень возмущался тем, что Олимпиас в его отсутствие жестоко расправилась с Клеопатрой.

– Какой Клеопатрой? Которой?

– Последняя жена Филиппа. Племянница Аттала.

– А... Да-да. Конечно. Как могло быть иначе. После смерти Филиппа. Аттал должен был беречь царя, как зеницу ока. Тот, впрочем, не сберег и собственное око...

Не только себя, но и часть себя.

– Вы знаете, что сказал раненный Александр? А... Он... раненный стрелой и испытывая жестокие страдания, Александр сказал: «Это, друзья, течет кровь, а не Влага, какая струится у жителей неба счастливых!»

— Смейтесь, сколько хотите... Однажды, когда раздался сильный удар грома, и все испугались, присутствовавший при этом софист Анаксарх обратился к Александру: «Ты ведь не можешь сделать ничего похожего, сын Зевса?» «И не хочу. Зачем мне внушать ужас своим друзьям, как ты это советуешь? — ответил Александр смеясь. — Тебе ведь не нравится мой обед потому, что ты видишь на столах рыб, а не головы сатрапов».

— В самом деле, говорят, что, увидев рыбешек, присланных царем Гефестиону, Анаксарх сказал нечто подобное, желая высмеять тех, кто, подвергая себя опасностям, ценой великих усилий добивается славы, но в наслаждениях и удовольствиях мало или почти совсем не отличается от обыкновенных людей.

— Из всего сказанного ясно, что Александр сам не верил в свое божественное происхождение и не чванился им, но лишь пользовался этим вымыслом для того, чтобы поработать других.

— Но он очень странный... Ликон Скарфийский, со славою игравший на сцене, добавил к своей роли в какой-то комедии строку, в которой заключалась просьба о десяти талантах. Александр засмеялся и подарил их актеру.

Гибель империи

– Вот последние новости. Дарий прислал своих друзей с письмом к македонскому царю, предлагая Александру десять тысяч талантов выкупа за пленных, все земли по эту сторону Евфрата, одну из дочерей в жены, а также свою дружбу и союз. Когда Александр сообщил об этом предложении приближенным, Парменион сказал: «Будь я Александром, я принял бы эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, – воскликнул Александр, – будь я Парменионом!» Дарию же Александр написал, что тот может рассчитывать на самый радушный прием, если явится к македонянам; в противном случае, он сам пойдет на персидского царя.

– Кто бы сомневался...

– Когда жена Дария умерла родами, Александр не скрывал своего огорчения и приказал похоронить царицу со всей пышностью, не жалея никаких расходов. Тирей, один из евнухов, которые были захвачены вместе с персидскими женщинами, бежал из македонского лагеря и, проделав долгий путь верхом, добрался до Дария, чтобы сообщить ему о смерти жены. Громко зарыдав, царь стал бить себя по голове и воскликнул: «О, злой рок персов! Жена и сестра царя живой попала в руки врага, а скончавшись, была лишена царского погребения!» «Но, царь, – перебил его евнух, – что касается похорон и подобающих царице почестей, у тебя нет оснований жаловаться на злую судьбу персов. Ни госпоже моей Статире, пока она была жива, ни твоей матери, ни дочерям не пришлось ни в чем нуждаться. Они пользовались всеми теми благами и преимуществами, что и прежде, за исключением только возможности видеть исходящий от тебя свет, который, по воле владыки Оромазда, вновь воссияет в былом блеске. Когда же Статира умерла, не было таких почестей, которых бы ей не воздали, и даже враги оплакивали ее. Ведь Александр столь же милостив к побежденным, сколь страшен в битве».

После того, как Дарий выслушал этот рассказ, волнение и скорбь вызвали у него чудовищное подозрение, и, отведя евнуха подальше в глубь палатки, он сказал: «Если ты сам, подобно военному счастью персов, не перешел на сторону македонян и по-прежнему считаешь меня, Дария, своим господином, заклинаю тебя великим светом Митры и правой рукой твоего царя, скажи мне, не оплакиваю ли я сейчас лишь меньшую из бед, постигших Статиру, и не поразили ли нас еще более жестокие беды, пока она была жива? Не лучше ли было бы для нашей чести, если б в злосчастьях наших столкнулись мы с врагом кровожадным и жестоким? Разве стал бы молодой человек воздавать такие почести жене врага, будь его отношение к ней чистым?» Не успел царь произнести эти слова, как Тирей упал к его ногам, умоляя не обвинять Александра понапрасну и не бесчестить покойную жену и сестру свою. Не следует, говорил он, попав в беду, лишать себя самого большого утешения – сознания, что ты побежден человеком, обладающим сверхчеловеческой природой. Тирей призывал Дария отдать дань восхищения тому, чья скромность в обращении с персидскими женщинами даже превосходит храбрость, проявленную им в столкновении с персидскими мужами. Истинность своих слов евнух подтвердил страшными клятвами.

... роковой час возмездия и великих перемен, когда падет персидская держава, пусть никто, кроме Александра, не воссядет на трон Куроша...

После того как Александр завоевал все земли до Евфрата, он пошел на Дария, двигавшегося ему навстречу с армией, численность которой достигала миллиона.

Вся равнина между Нифатом и горами была освещена огнями варварского войска, из лагеря персов доносился неясный гул, подобный шуму безбрежного моря. Старейшие из приближенных Александра, и в особенности Парменион, были поражены многочисленностью врага и говорили друг другу, что одолеть такое войско в открытом бою было бы слишком трудным делом. Подойдя к царю, только что закончившему жертвоприношения, они посоветовали Александру напасть на врагов ночью, чтобы темнотою было скрыто то, что в предстоящей битве может внушить наибольший страх македонянам.

– Я не краду победу.

Приближенные покинули царя, и Александр прилег отдохнуть в своей палатке; он крепко уснул и не проснулся на рассвете. Удивленные этим полководцы сами отдали первый приказ воинам – приступать к завтраку. Время не позволяло медлить долее, и Парменион, войдя в палатку и встав рядом с ложем Александра, два или три раза окликнул его. Когда Александр проснулся, Парменион спросил, почему он спит сном победителя, хотя впереди у него величайшее сражение. Александр, улыбнувшись, сказал: «А что? Разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу, хотя бы потому, что не должны более бродить по этой огромной и пустынной стране, преследуя уклоняющегося от битвы Дария?».

Не только перед битвой, но и в разгар сражения Александр проявил себя великим воином, не теряющим мужества и присутствия духа. В бою левый фланг, находившийся под командованием Пармениона, стал в беспорядке отступать, теснимый бактрийской конницей, которая с шумом и криком стремительно ударила на македонян, в то время как всадники Мазея обошли фалангу и напали на охрану обоза. Парменион через гонцов сообщил Александру, что лагерь и обоз будут потеряны, если царь немедленно не пришлет тыловым отрядам сильное подкрепление, сняв для этого часть войск с передней боевой линии. Как раз в это время Александр подавал окружавшим его воинам сигнал к наступлению. Услышав просьбу о помощи, он воскликнул, что Парменион, наверное, не в своем уме, если в расстройстве и волнении забыл, что победителям достанется все имущество врагов, а побежденным следует заботиться не об имуществе и рабах, а о том, чтобы, храбро сражаясь, со славой принять смерть.

Приказав передать это Пармениону, Александр надел шлем. Все остальные доспехи он надел еще в палатке; в его облачении особенно выделялась сицилийской работы гипендима с поясом, а поверх нее двойной льняной панцирь, взятый из захваченной при Иссе добычи. Железный же шлем работы Феофила блестел так, словно был из чистого серебра. К нему был прикреплен усыпанный драгоценными камнями железный щиток, защищавший шею. Александр носил меч, подарок царя китийцев, удивительно легкий и прекрасной закалки; в сражениях меч обычно был его главным оружием. Богаче всего был плащ, который царь носил

поверх доспехов. Это одеяние работы Геликона Старшего Александру подарили в знак уважения жители города Родоса, и он, готовясь к бою, всегда надевал его. Устанавливая боевой порядок, отдавая приказы, ободряя воинов и проверяя их готовность, Александр объезжал строй не на Букефале, а на другом коне, ибо Букефал был уже немолод и его силы надо было щадить. Но перед самым боем к царю подвели Букефала...

Букефал... «Быкоглавый»...

...Кормило нужно тут и твердая узда... и, вскочив на него, Александр начал наступление.

Взяв копье в левую руку, а правую подняв вверх, он обратился к богам с мольбой, чтобы они, если он действительно сын Зевса, помогли и вдохнули в них мужество. Прорицатель Аристандр в белом одеянии и золотом венке, скакавший рядом с царем, показал на орла, парившего над головой Александра и летевшего прямо в сторону врагов. Все видевшие это воодушевились. Воины ободряли друг друга, и фаланга, вслед за конницей, хлынула на врага. Варвары отступили прежде, чем передние ряды успели завязать бой. Яростно преследуя разбитого врага, Александр теснил персов к центру неприятельского расположения, где находился сам Дарий. Александр заметил его издали, сквозь передние ряды персидских воинов, – Дарий стоял на высокой колеснице в середине царского отряда, рослый и красивый, окруженный множеством всадников в блестящем вооружении, сомкнувшихся вокруг его колесницы и готовых встретить врага. Однако, чем ближе был Александр, тем более приходили они в смятение: гоня перед собой отступающих, разбивая строй тех, кто еще держался, он устранил и рассеял почти всех телохранителей Дария. Только самые смелые и благородные бились за своего царя до последнего вздоха; падая друг на друга, они затрудняли преследование, судорожно вцепляясь во вражеских всадников и их коней. Это страшное зрелище развертывалось на глазах у Дария, и окружавшие царя персидские воины уже гибли у самых его ног. Но повернуть колесницу и выехать на ней было невозможно, так как множество мертвых тел не давало колесам сдвинуться с места, а кони, почти скрытые под грудой трупов, становились на дыбы, делая возницу совершенно беспомощным. Бросив оружие и колесницу, Дарий, как рассказывают, вскочил на недавно ожеребившуюся кобылу и бежал. По-видимому, ему не удалось бы на этот раз скрыться, если бы снова не прискакали гонцы от Пармениона, призывая Александра на помощь, ибо на их фланге значительные силы врагов еще не были сломлены и оказывали сопротивление.

– Вообще Пармениона обвиняют в том, что в этой битве он был медлителен и бездеятелен, – то ли под старость в нем нет уже прежней отваги, то ли он тяготится возрастающей властью и могуществом Александра и завидует ему.

– Это хорошо.

– Правда?

– Такой исход битвы окончательно сломил могущество персов. Александр провозглашен царем Азии.

– ...перед тем как снова пуститься в погоню за Дарием, Александр пировал и веселился с друзьями. В общем веселье вместе со своими возлюбленными принимали участие и женщины. Среди них особенно выделялась Файда, родом из Аттики, подруга будущего царя Птолемея.

– Ты имеешь в виду Таис?..

– Я имею в виду... Ты имеешь в виду... Лучше всего было бы иметь ее... или их... Но я продолжаю... Как бы ни было... То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решилась произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой. Файда сказала, что в этот день, глумясь над надменными чертогами персидских царей, она чувствует себя вознагражденной за все лишения, испытанные ею в скитаниях по Азии. Но еще приятнее было бы для нее теперь же с веселой гурьбой пирующих пойти и собственной рукой на глазах у царя поджечь дворец Ксеркса, предавшего Афины губительному огню. Пусть говорят люди, что женщины, сопровождавшие Александра, сумели отомстить персам лучше, чем знаменитые предводители войска и флота. Слова эти были встречены гулом одобрения и громкими рукоплесканиями. Побуждаемый упорными настояниями друзей, Александр вскочил с места с венком на голове и факелом в руке пошел впереди всех. Последовавшие за ним шумной толпой окружили царский дворец, сюда же с великой радостью сбежались, неся в руках факелы, и другие македоняне, узнавшие о происшедшем. Они надеялись, что, раз Александр хочет поджечь и уничтожить царский дворец, значит, он помышляет о возвращении на родину и не намеревается жить среди варваров. Так рассказывают об этом некоторые, другие же утверждают, будто поджог дворца был здраво обдуман заранее. Но все сходятся в одном: Александр вскоре одумался и приказал потушить огонь.

Александр читал внимательно...

«Оказывай своим друзьям благодеяния и проявляй к ним уважение как-нибудь иначе: ведь ты делаешь их всех равными царю, ты предоставляешь им возможность иметь много друзей, самого же себя обрекаешь на одиночество». Такие письма он получал от матери часто, но хранил их в тайне. Только однажды, когда Гефестион хотел по обыкновению вместе с ним прочесть распечатанное письмо, Александр не воспрепятствовал ему, но, сняв с пальца кольцо, приложил печать к губам Гефестиона.

– Вот еще кое-что... В письме к Антипатру он велел ему завести телохранителей, чтобы они защищали его от злоумышленников. Своей матери Александр отослал много даров, но не позволяет ей вмешиваться в государственные и военные дела и кротко сносит ее упреки по этому поводу. В то же время... Однажды, прочтя длинное письмо Антипатра с обвинениями против Олимпиас, Александр сказал: «Антипатр не знает, что одна слеза матери заставит забыть тысячи таких писем».

– Александр видел, что его приближенные изнежились вконец, что их роскошь превысила всякую меру: теосец Гагنون носил башмаки с серебряными гвоздями; Леоннату для гимнасия привозили на верблюдах песок из Египта; у Филота скопилось так много сетей для охоты, что их можно было растянуть на сто стадиев; при купании и натирации друзья царя чаще пользовались благовонной мазью, чем оливковым маслом, повсюду возили с собой банщиков и спальников. За все это царь мягко и разумно упрекал своих приближенных. Александр высказывал удивление, как это они, побывавшие в стольких жестоких боях, не помнят о том, что потру-

дившиеся и победившие спят слаще побежденных. Разве не видят они, сравнивая свой образ жизни с образом жизни персов, что нет ничего более рабского, чем роскошь и нега, и ничего более царственного, чем труд? «Сможет ли кто-либо из вас, – говорил он, – сам ухаживать за конем, чистить свое копьё или свой шлем, если вы отвыкли прикасаться руками к тому, что всего дороже, – к собственному телу? Разве вы не знаете, что конечная цель победы заключается для нас в том, чтобы не делать того, что делают побежденные?»

– ... новое... да, есть и новое...

Возлагая труды на себя и побуждая к доблести других, Александр не избегает никаких опасностей, а его друзья, разбогатев и возгордившись, стремятся только к роскоши и безделью, они стали тяготиться скитаниями и походами и постепенно дошли до того, что осмеливаются порицать царя и дурно отзываться о нем.

– И...

– Сначала Александр относился к этому очень спокойно, он говорил, что царям не в диковину слышать хулу в ответ на свои благодеяния.

– Чем еще удивит нас молосское отродье?

– Намереваясь вновь сразиться с Дарием, Александр выступил в поход. Услышав о том, что Дарий взят в плен Бессом, Александр отпустил домой фессалийцев, вручив им в подарок, помимо жалованья, две тысячи талантов.

– Преследование было тягостным и длительным: за одиннадцать дней они проехали верхом три тысячи триста стадиев, многие воины были изнурены до предела, главным образом, из-за отсутствия воды. В этих местах Александр однажды встретил каких-то македонян, возивших на мулах меха с водой из реки. Увидев Александра, страдавшего от жажды – был уже полдень, – они быстро наполнили водой шлем и поднесли его царю. Александр спросил их, кому везут они воду, и македоняне ответили: «Нашим сыновьям; но если ты будешь жить, мы родим других детей, пусть даже и потеряем этих». Услышав это, Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: «Если я буду пить один, они падут духом». Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он не колеблясь вел их дальше, ибо они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя.

– Все проявили одинаковое усердие, но только шестьдесят всадников ворвалось во вражеский лагерь вместе с царем. Не обратив внимания на разбросанное повсюду в изобилии серебро и золото, проскакав мимо многочисленных повозок, которые были переполнены детьми и женщинами и катились без цели и направления, лишенные возничих, македоняне устремились за теми, кто бежал впереди, полагая, что Дарий находится среди них. Наконец, они нашли лежа-

щего на колеснице Дария, пронзенного множеством копий и уже умирающего. Дарий попросил пить, и Полистрат принес холодной воды; Дарий, утолив жажду, сказал: «То, что я не могу воздать благодарность за оказанное мне благодеяние, – вершина моего несчастья, но Александр вознаградит тебя, а Александра вознаградят боги за ту доброту, которую он проявил к моей матери, моей жене и моим детям. Передай ему мое рукопожатие». С этими словами он взял руку Полистрата и тотчас скончался.

Александр подошел к трупу и с нескрываемою скорбью снял с себя плащ и покрыл тело Дария.

– Александр нашел Бесса и казнил его. Два прямых дерева были согнуты и соединены вершинами, к вершинам привязали Бесса, а затем деревья отпустили, и, с силою выпрямившись, они разорвали его. Тело Дария, убранный по-царски, Александр отослал его матери, а Эксатра, брата Дария, принял в свое окружение.

Рождение другого

– ... какие-то варвары похитили царского коня Букефала, неожиданно напав на конюхов. Александр пришел в ярость и объявил через вестника, что если ему не возвратят коня, он перебьет всех местных жителей с их детьми и женами. Но когда ему привели коня и города добровольно покорились ему, Александр обошелся со всеми милостиво и даже заплатил похитителям выкуп за Букефала.

С этих пор он стал все больше приспособливать свой образ жизни к местным обычаям, одновременно сближая их с македонскими, ибо полагал, что благодаря такому смещению и сближению он добром, а не силой укрепит свою власть на тот случай, если отправится в далекий поход. С этой же целью он отобрал тридцать тысяч мальчиков и поставил над ними многочисленных наставников, чтобы выучить их обращению с македонским оружием.

Речь шла совсем не об апологии Эллады... близко ли ему это все... да, пожалуй, и нет... и не только не близко, а и принципиально чуждо... а что ему не чуждо?.. Вообще, слово «чужой» принципиально важно. Он, конечно, чужой для любого кусочка Эллады. И то же самое и в Македонии. Эпирот – и другого в Македонии и не могло быть. Он и Миртала, оба не только мать и сын. Они – чужие. Их не понимают и не любят. Кто-то пусть даже и восторгается. Но не в этом дело. Здесь корни не только наглости Аттала, но и уверенности в своем. Он – признанный настоящий полноценный македонянин. И его племянница. А эти... Эпиротка и ее сын-полукровка.

И в Персии... Что, на самом деле, он делает? Естественно, и здесь он чужой. Везде все одинаково. Но именно поэтому он, как никто, понимает, чтобы властвовать – надо разделить. Лишить персов их культуры, идеологии, религии. Для этого нужно что-то дать взамен. Своей религии ни в Македонии, ни в Эпире, по сути, не имеется. Додона в Эпире красноречива вполне. А в остальном... Что огород зря городить – все уже сделали. В Афинах и других полисах. Все это и обрушено на Персию. Ему с его универсализмом завоевателя все равно, а вот македоняне, чувствуется, начинают понимать, что они, как и персы, могут расплыться в этом космосе. И их сопротивление в высшей степени характерно. Нет миссионерской деятельности, никакой миссии нет и не может быть. Осуществляется жесткая политика втискивания непокорного населения в его конструкцию. Использовался в этих целях соответствующий удобный шаблон. И македоняне каплями впадут в этот поток. Никуда не денутся.

Говорят о желании... моем желании... создать новую народность, сблизить две цивилизации.

Не сближать, а разделять... души прекрасные порывы... нет... души прекрасные порывы... и властвовать.

И его брак с Роксаной, красивой девушкой, которую он выбрал для себя и своих целей, вполне соответствовал его замыслу, ибо брак этот сблизил с варварами, и они прониклись к

нему доверием и горячо полюбили его за то, что он проявил величайшую воздержанность и не захотел незаконно овладеть даже той единственной женщиной, которая покорила его.

«Когда Александр увидел, что один из его ближайших друзей, Гефестион, одобряет его сближение с варварами, и сам подражает ему в этом, а другой, Кратер, остается верен отеческим нравам, он стал вести дела с варварами через Гефестиона, а с эллинами и с македонянами – через Кратера. Горячо любя первого и глубоко уважая второго, Александр часто говорил, что Гефестион – друг Александра, а Кратер – друг царя. Из-за этого Гефестион и Кратер питали скрытую вражду друг к другу. Однажды в Индии ссора их дошла до того, что они обнажили мечи. К тому и к другому бросились на помощь друзья, но Александр, пришпорив коня, подъехал к ним и при всех обругал Гефестиона, назвал его глупцом и безумцем, не желающим понять, что он был бы ничем, если бы кто-нибудь отнял у него Александра. Кратера он сурово разбил с глазу на глаз, а потом, приведя их обоих к себе и примирив друг с другом, поклялся Аммоном и всеми другими богами, что никого из людей не любит так, как их двоих, но если он узнает когда-нибудь, что они опять ссорятся, то непременно убьет либо их обоих, либо зачинщика. Рассказывают, что после этого они даже в шутку ни словом, ни делом не пытались поддеть или уколоть друг друга».

Гарпал

– Эфиальта и Кисса, которые первыми сообщили об измене и бегстве Гарпала, Александр велел заковать в кандалы как клеветников.

– Позднее, однако, его ожесточили многочисленные измышления, скрывавшие ложь под личиной истины, и в эту пору, если до него доходили оскорбительные речи по его адресу, он совершенно выходил из себя, становился неумолимым и беспощадным, так как славой дорожил больше, чем жизнью и царской властью.

– Вероятно, большое впечатление произвело на Александра дело Гарпала, показавшее, что недобросовестность, враждебность, откровенное ожидание гибели царя на далекой окраине обитаемого мира свили себе гнездо среди, казалось бы, самых близких ему людей.

– Да, Гарпал... это – очень интересно...

– Гарпал, сын Махаты, принадлежал к числу тех, кто окружал Александра с детских и юношеских лет. Во время конфликта между Александром и Филиппом Гарпал принял сторону опального царевича и вместе с несколькими другими сотоварищами Александра был изгнан из Македонии. Воцарение Александра позволило ему приобрести видное положение при дворе. Так как Гарпал оказался негодным к военной службе, Александр поручил ему ведение казны и военного хозяйства. Ничто не предвещало серьезных недоразумений, однако уже незадолго до битвы при Иссе Гарпал скрылся в Мегару. Трудно отказаться от мысли, что он был замешан в каких-то злоупотреблениях и опасался расправы. Не исключены и политические мотивы. Но все обошлось. Александр сначала просто не поверил в бегство друга, думал, что его хотят оклеветать враги. Когда же оно подтвердилось, Александр сделал все, чтобы побудить Гарпала вернуться, и восстановил его в прежней должности. Александр настолько безоглядно доверял Гарпалу, что препоручил ему огромные денежные средства персидских царей, захваченные во время военных действий на Ближнем Востоке.

– Поразительно... видимо, детство... особенное время... и... впрочем, продолжай...

– Первоначально Гарпал находился в Экбатанах, где под его руководством из драгоценного металла, найденного в сокровищнице Ахеменидов, чеканились золотые и серебряные монеты. Позже он переехал в Вавилон. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства, воспроизводящие официальную точку зрения, изображают Гарпала казнокрадом и распутником. Когда царь отправился в свой индийский поход, Гарпал, твердо уверенный, что уж оттуда-то он наверняка не вернется, предался, как рассказывают, разгулу, черпая для этого средства из казны, оставленной на его попечение. Он окружал себя неслыханной роскошью, жил в царском дворце, вокруг него теснились женщины; стандартное обвинение в насилиях и противозаконных любовных связях повторено было также и применительно к Гарпалу. Он выпил к себе из Афин самую знаменитую и дорогостоящую гетеру Пифионику, содержал ее как царицу; когда женщина умерла, устроил ей пышные похороны и соорудил две гробницы: одну – в Вавилоне, другую – в Афинах. Через некоторое время Гарпал призвал к себе тоже знаменитую и дорогостоящую гетеру Гликеру, с которой поселился в Тарсе, ведя там опять-таки за счет казны жизнь, исполненную наслаждений, и забросив свои обязанности в Вавилоне. Возможно, однако, что Гарпал, принадлежавший, по-видимому, к роду правителей Элимиотиды,

был связан с аристократической группировкой Клеандра и Кэна, и его бегство объясняется не только и не столько служебными проступками и казнокрадством, сколько казнью Клеандра, знаменовавшей собой намерение Александра расправиться с этой кликой.

– Уничтожение своих... преодоление прежнего окружения... несомненно...

– Первым движением Гарпала было стремительное возвращение в Вавилон. Захватив из царской казны 5 тыс. талантов, наняв 6 тыс. воинов, весной он отправился на запад. Никто не обращал на беглеца внимания. Погрузившись в Киликии на корабли, Гарпал после длительного плавания с заходом на Крит прибыл в конце концов в Афины, в бухту Сунион.

Отношения Афин с Александром давали Гарпалу основания рассчитывать на их поддержку. Вероятно, по наущению своих любовниц (позже в этом увидят попытку заранее обеспечить себе благосклонность Афин) он щедро снабжал Афины продовольствием и даже получил в качестве награды афинское гражданство. Однако Гарпал ошибся. Осенью по представлению Демосфена афинское народное собрание запретило ему въезд в афинскую гавань Пирей и поручило стратегу Филоклу в случае необходимости воспрепятствовать этому силой. Оставив свои войска и весь флот в Тэнароне, Гарпал явился в Афины уже не в роли предприимчивого кондотьера, а в качестве частного лица, умоляющего о защите. Александр, его наместник в Македонии Антипатр и Стратоника настойчиво требовали выдачи беглеца. По еще одному предложению Демосфена народное собрание решило взять Гарпала под стражу и конфисковать его деньги; подкупив влиятельных афинян, он с частью своих денег бежал из города и отплыл на Крит. Там этот авантюрист был изменнически убит Фиброном, одним из его «друзей»; по другой версии – своими рабами, по третьей – македонянином Павсанием.

– Дело Гарпала... еще один грозный симптом: оно свидетельствует о начинающемся распаде огромного государства, созданного Александром, о его поразительной непрочности, которую оно унаследовало от Ахеменидской державы. Располагая всего 6 тыс. воинов, Гарпал ушел от Александра, и могущественнейший владыка ничего не мог с ним поделать. Да, а кто это – Стратоника?..

– Это... Олимпиас – теперь Стратоника.

Гарпал... этот убогий... чем же он был мне близок... так близок... что же общего между нами... всеми ненавидимый... и с украденными огромными деньгами... и тогда, когда у него ничего не было... мое имя... так много тех, кто меня ненавидит... ненавистные всем... почему...

Жертвы

– Они рассыпаются. Они вот-вот рассыпятся. Взять хотя бы...

Филот, сын Пармениона, пользовался большим уважением среди македонян. Его считали мужественным и твердым человеком, после Александра не было никого, кто был бы столь же щедрым и отзывчивым. Рассказывают, что как-то один из его друзей попросил у него денег, и Филот велел своему домоуправителю выдать их. Домоуправитель отказался, сославшись на то, что денег нет, но Филот сказал ему: «Что ты говоришь? Разве у тебя нет какого-нибудь кубка или платья?» Однако высокомерием и чрезмерным богатством, слишком тщательным уходом за своим телом, необычным для частного лица образом жизни, а также тем, что гордость свою он проявлял неумеренно, грубо и вызывающе, Филот возбудил к себе недоверие и зависть. Даже отец его, Парменион, сказал ему однажды: «Спустись-ка, сынок, пониже». У Александра он уже давно был на дурном счету. Когда в Дамаске были захвачены богатства Дария, потерпевшего поражение в Киликии, в лагерь привели много пленных. Среди них находилась женщина по имени Антигона, родом из Пидны, выделявшаяся своей красотой. Филот взял ее себе. Как это свойственно молодым людям, Филот нередко, выпив вина, хвастался перед возлюбленной своими воинскими подвигами, приписывая величайшие из деяний себе и своему отцу и называя Александра мальчишкой, который им обоим обязан своим могуществом. Она рассказала об этом одному из своих приятелей, тот, как водится, другому, и так молва дошла до слуха Кратера, который вызвал эту женщину и тайно привел ее к Александру. Выслушав ее рассказ, Александр велел ей продолжать встречаться с Филотом и обо всем, что бы она ни узнала, доносить ему лично.

Ни о чем не подозревая, Филот по-прежнему бахвалился перед Антигоной и в пылу раздражения говорил о царе неподобающим образом. Но хотя против Филота выдвигались серьезные обвинения, Александр все терпеливо сносил – то ли потому, что полагался на преданность Пармениона, то ли потому, что страшился славы и силы этих людей. В это время один македонянин по имени Димн, родом из Халастры, злоумышлявший против Александра, попытался вовлечь в свой заговор юношу Никомаха, своего возлюбленного, но тот отказался участвовать в заговоре и рассказал обо всем своему брату Кебалину. Кебалин пошел к Филоту и просил его отвести их с братом к Александру, так как они должны сообщить царю о деле важном и неотложном. Филот, неизвестно по какой причине, не повел их к Александру, ссылаясь на то, что царь занят более значительными делами. И так он поступил дважды. Поведение Филота вызвало у братьев подозрение, и они обратились к другому человеку. Приведенные этим человеком к Александру они сначала рассказали о Димне, а потом мимоходом упомянули и о Филоте, сообщив, что он дважды отверг их просьбу. Это чрезвычайно ожесточило Александра. Воин, посланный арестовать Димна, вынужден был убить его, так как Димн оказал сопротивление, и это еще более усилило тревогу Александра: царь полагал, что смерть Димна лишает его улики, необходимых для раскрытия заговора. Разгневанный на Филота Александр привлек к себе тех людей, которые издавна ненавидели сына Пармениона и теперь открыто говорили, что царь проявляет беспечность, полагая, будто жалкий халастриец Димн по собственному почину решился на столь великое преступление. – Димн, – утверждали эти люди, – не более как исполнитель, вернее, даже орудие, направляемое чьей-то более могущественной рукой, а истинных заговорщиков надо искать среди тех, кому выгодно, чтобы все оставалось скрытым. Так как царь охотно прислушивался к таким речам, враги возвели на Филота еще тысячи других обвинений. Наконец, Филот был схвачен и приведен на допрос. Его подвергли

пыткам в присутствии ближайших друзей царя, а сам Александр слышал все, спрятавшись за занавесом. Рассказывают, что, когда Филот жалобно застонал и стал униженно молить Гефестиона о пощаде, Александр произнес: «Как же это ты, Филот, такой слабый и трусливый, решился на такое дело?»

Такой свой... и вот он стал им всем чужой... как же нелегко ему пришлось... а я так живу... уже очень давно...

После смерти Филота Александр сразу же послал в Мидию людей, чтобы убить Пармениона – того Пармениона, который оказал Филиппу самые значительные услуги и который был, пожалуй, единственным из старших друзей Александра, побуждавшим царя к походу на Азию. Из трех сыновей Пармениона двое погибли в сражениях на глазах у отца, а вместе с третьим сыном погиб он сам.

Кто знает... кто знает... что же было делать... глупый Филот, убивший не только себя, но и... не только отца, но и... что же можно было сделать... Антигона – красивая женщина, но в ней есть нечто неприятное, и я не случайно позволил Филоту взять ее себе... да, я и позабыл... с ней побеседовали... и она давала и тогда дала... всю необходимую информацию... я еще смеялся, как она провела Кратера, сделав вид, что говорит со мной в первый раз... в любом случае, она предала своего... но пока это было тайной... нет, ничего ему не грозило... он ведь не был опасен... на самом деле... ему страшно хотелось превзойти меня... просто, когда появились такие люди, которые ничтожны по своей сути, однако удар ножа... не меча, нет, простого ножа! это – удар ножа. Я просто не могу себе позволить такое! чтобы мне нанесли простой удар ножа. Это – глупо. Я не Филот, чтобы разрешить самому себе... с кем он позволил себе связаться – какие грязные люди!., несчастный Филот!.. а Парменион... После всего случившегося... он уже должен был... а я должен был не позволить ему выполнить его долг. У меня был такой долг. Парменион оказался заложником своего сына. Никто ни в чем не виноват. Никто...

– Все это внушило многим друзьям Александра страх перед царем, в особенности же – Антипатру, который, тайно отправив послов к этолийцам, заключил с ними союз. Этолийцы очень боялись Александра из-за того, что они разрушили Эниады, ибо, узнав о гибели города, царь сказал, что не дети эниадян, но он сам отомстит за это этолийцам.

– Здесь подробнее. Что касается Антипатра, подробнее. Чем подробнее, тем лучше.

... – убийство Клита. Если рассказывать о нем без подробностей, оно может показаться еще более жестоким, чем убийство Филота, но если сообщить причину и все обстоятельства его, станет ясным, что оно совершилось не предумышленно, а в результате несчастного случая, что гнев и опьянение царя лишь сослужили службу злему року Клита.

– Что ты говоришь... я внимательно слушаю...

– Вот как все случилось. Какие-то люди, приехавшие из-за моря, принесли Александру плоды из Эллады. Восхищаясь красотой и свежестью плодов, царь позвал Клита, чтобы показать ему фрукты и дать часть из них. Клит в это время как раз приносил жертвы, но, услышав приказ царя, приостановил жертвоприношение и сразу же отправился к Александру, а три овцы, над которыми были уже совершены возлияния, побежали за ним. Узнав об этом, царь обратился за разъяснением к прорицателям – Аристандру и лакедемонянину Аристомену. Они сказали, что это дурной знак, и Александр велел как можно скорее принести умиловительную жертву за Клита. (Дело в том, что за три дня до этого Александр видел странный сон. Ему приснилось, что Клит вместе с сыновьями Пармениона сидит в черных одеждах, и все они мертвы.) Но Клит не дождался конца жертвоприношения и отправился на пир к царю, который только что принес жертвы Диоскурам.

В разгар веселого пиршества кто-то стал петь песенки некоего Праниха, в которых высмеивались полководцы, недавно потерпевшие поражение от варваров. Старшие из присутствовавших сердились и бранили сочинителя и певца, но Александр и окружавшие его молодые люди слушали с удовольствием и велели певцу продолжать. Клит, уже пьяный и к тому же от природы несдержанный и своевольный, негодовал больше всех. Он говорил, что недостойно среди варваров и врагов оскорблять македонян, которые, хотя и попали в беду, все же много лучше тех, кто над ними смеется. Когда Александр заметил, что Клит, должно быть, хочет оправдать самого себя, называя трусость бедою, Клит вскочил с места и воскликнул: «Но эта самая трусость спасла тебя, рожденный богами, когда ты уже подставил свою спину мечу Спифридата! Ведь благодаря крови македонян и этим вот ранам ты столь вознесся, что, отрекшись от Филиппа, называешь себя сыном Аммона!»

С гневом Александр отвечал: «Долго ли еще, негодяй, думаешь ты радоваться, понося нас при каждом удобном случае и призывая македонян к неповиновению?» «Да мы и теперь не радуемся, Александр, вкушая такие "сладкие" плоды наших трудов, – возразил Клит. – Мы считаем счастливыми тех, кто умер еще до того, как македонян начали сечь мидийскими розгами, до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю». В ответ на эти дерзкие речи поднялись друзья Александра и стали бранить Клита, а люди постарше пытались уговорить спорящих. Александр же сказал: «Не кажется ли, что среди македонян, словно среди диких зверей?» Клит не унимался, он требовал, чтобы Александр при всех высказал то, что думает, или же чтобы он больше не приглашал к себе на пир людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жил среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону.

Александр уже не мог сдержать гнева: схватив лежавшее около него яблоко, он бросил им в Клита и стал искать свой кинжал. Но так как один из телохранителей, Аристофан, успел вовремя убрать кинжал, а все остальные окружили Александра и умоляли его успокоиться, он вскочил с места, по-македонски кликнул царскую стражу (это был условный знак крайней опасности), велел трубачу подать сигнал тревоги и ударил его кулаком, заметив, что тот медлит. Впоследствии этот трубач пользовался большим уважением за то, что благодаря его самообладанию, весь лагерь не был приведен в смятение. Клита, не желавшего уступить, друзья с трудом вытолкали из пиршественного зала, но он снова вошел через другие двери, с превеликой дерзостью читая ямбы из «Андромахи» Эврипида:

Какой плохой обычай есть у эллинов...

Тут Александр выхватил копьё у одного из телохранителей и, метнув его в Клита, который отбросил дверную завесу и шел навстречу царю, пронзил дерзкого насквозь. Клит, громко застонав, упал, и гнев Александра сразу же угас.

Все замерло. Это было мгновение... но оно замерло... все замерло... он видел себя... свою руку... он протянул руку за копьем... коснулся его... копье застыло в его руке... и оно уже летит... он захотел прервать его полет... а потом вдруг остановился... а что я уже могу сделать... оно летит... и гулкий удар... и...

Опомнившись и увидев друзей, безмолвно стоявших вокруг, Александр вытащил из трупа копье и попытался вонзить его себе в шею, но ему помешали – телохранители схватили его за руки и насильно унесли в спальню...

– Что же хотел сказать Клит?..

– Какой плохой обычай есть у эллинов... Из «Андромахи» Эврипида... слова Пелея о том, что после победы вся слава достается царю, а заслуги воинов забыты.

– Продолжай...

– Проведя всю ночь в рыданиях, он настолько изнемог от крика и плача, что на следующий день лежал безмолвно, испуская лишь тяжкие стоны. Друзья, напуганные его молчанием, без разрешения вошли в спальню. Но речи их не тронули Александра. Только когда прорицатель Аристандр, напомнив царю о сновидении, в котором ему явился Клит, и о дурном знаменнии при жертвоприношении, сказал, что все случившееся было уже давно определено судьбою, Александр, казалось, несколько успокоился.

Затем к нему привели Анаксарха из Абдер и философа Каллисфена – родственника Аристотеля. Каллисфен пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя, а Анаксарх, который с самого начала пошел в философии особым путем и был известен своим презрительным отношением к общепринятым взглядам, подойдя к Александру, воскликнул: «И это Александр, на которого смотрит теперь весь мир! Вот он лежит, рыдая, словно раб, страшась закона и порицания людей, хотя он сам должен быть для них и законом, и мерою справедливости, если только он победил для того, чтобы править и повелевать, а не для того, чтобы быть прислужником пустой молвы. Разве ты не знаешь, – продолжал он, – что Зевс для того посадил с собой рядом Справедливость и Правосудие, дабы всё, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым?» Такими речами Анаксарх несколько успокоил царя, но зато на будущее время внушил ему еще большую надменность и пренебрежение к законам.

– Более того, убийство Клита, совершенное им в состоянии опьянения, – все это Александр приписывал гневу и мести Диониса.

– Да... Дионис родился и чтился в Фивах.

– Что ты хотел сказать?.. Есть еще новости?..

– Есть.

– Говори.

– Пользуясь расположением Александра, Анаксарх усилил его неприязнь к Каллисфену, которого царь и прежде-то недолго любил за строгость и суровость... однажды на пиру, когда

разговор зашел о временах года и погоде, Каллисфен, разделявший взгляды тех, которые считают, что в Азии холоднее, чем в Элладе, в ответ на возражения Анаксарха сказал так: «Ты-то уж должен был бы согласиться с тем, что здесь холодней, чем в Элладе. Там ты всю зиму ходил в изношенном плаще, а здесь лежишь, укрывшись тремя коврами».

После этого Анаксарх стал еще больше ненавидеть Каллисфена.

Другим софистам и льстецам Каллисфен был также ненавистен, ибо юноши любили его за красоту речей, а пожилым людям он в неменьшей мере был приятен тем, что вел жизнь безупречную, чистую, чуждую искательства. Его жизнь неопровержимо доказывала, что он не уклонялся от истины, когда говорил, что отправился за Александром лишь затем, чтобы восстановить свой родной город и вернуть туда жителей.

...восстановить свой родной город... Каллисфен из Олинфа, разрушенного Филиппом... Он надеялся на его восстановление... как получилось у Аристотеля... с восстановлением Стагиры...

Ненавидимый из-за своей славы, он и поведением своим давал врагам пищу для клеветы, ибо большей частью отклонял приглашения к царскому столу, а если и приходил, то своей суровостью и молчанием показывал, что он не одобряет происходящего. Оттого-то Александр и сказал про него:

Противен мне мудрец, что для себя не мудр.

...однажды на царском пиру при большом стечении приглашенных Каллисфену поручили произнести за кубком вина хвалебную речь в честь македонян, и он говорил на эту тему с таким красноречием, что присутствовавшие, стоя, рукоплескали и бросали ему свои венки. Тогда Александр привел слова о том, что прекрасно говорить о прекрасном предмете – дело нетрудное, и сказал: «Теперь покажи нам свою силу, произнеси обвинительную речь против македонян, чтобы, узнав свои ошибки, они стали лучше». Тут уже Каллисфен заговорил по-другому, в откровенной речи он предъявил македонянам многие обвинения. Он сказал, что раздор среди полисов был единственной причиной успехов Филиппа и его возвышения, и в доказательство своей правоты привел стих:

Часто при распрях почет достается в удел негодяю.

Этой речью Каллисфен возбудил против себя лютую ненависть со стороны македонян, а Александр сказал, что Каллисфен показал не столько силу своего красноречия, сколько силу своей вражды к македонянам.

– Все это очень интересно, но... ладно... говори...

– Каллисфен почувствовал недовольство царя и, прежде чем выйти из зала, два или три раза повторил, обращаясь к нему:

Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный.

– Аристотель, по-видимому, не ошибался, когда говорил, что Каллисфен – прекрасный оратор, но человек неумный.

– Впрочем, благодаря тому, что Каллисфен упорно, как подобает философу, боролся против обычая падать ниц перед царем, и один осмеливался открыто говорить о том, что вызывало тайное возмущение у лучших и старейших из македонян, он избавил их от большого позора, а Александра – от еще большего, но себе самому уготовил погибель, ибо казалось, что он не столько убедил царя, сколько принудил его отказаться от почестей благоговейного поклонения.

...однажды на пиру Александр, отпив вина, протянул чашу одному из друзей. Тот, приняв чашу, встал перед жертвенником и, выпив вино, сначала пал ниц, потом поцеловал Александра и вернулся на свое место. Так поступили все. Когда очередь дошла до Каллисфена, он взял чашу (царь в это время отвлекся беседой с Гепестионом), выпил вино и подошел к царю для поцелуя. Но тут Деметрий, по прозвищу Фидон, воскликнул: «О царь, не целуй его, он один из всех не пал пред тобою ниц». Александр уклонился от поцелуя, а Каллисфен сказал громким голосом: «Что ж, одним поцелуем будет у меня меньше».

Своим поведением Каллисфен очень озлобил Александра, и тот охотно поверил Гепестиону, который сказал, что философ обещал ему пасть ниц перед царем, но не сдержал своего слова. Потом на Каллисфена обрушились Лисимах и Гагنون: они говорили, что софист расхаживает с таким гордым видом, словно он уничтожил тиранию, что отовсюду к нему стекаются зеленые юнцы, восторгающиеся им, как человеком, который один среди стольких тысяч сумел остаться свободным. Поэтому, когда был раскрыт заговор Гермолая, обвинения, которые возвели на Каллисфена его враги, представились царю вполне правдоподобными. А враги утверждали, будто на вопрос Гермолая, как стать самым знаменитым, Каллисфен ответил: «Для этого надо убить самого знаменитого». Клеветники говорили, будто Каллисфен подстрекал Гермолая к решительным действиям, убеждал его не бояться золотого ложа и помнить, что перед ним человек, столь же подверженный болезням и столь же уязвимый, как и все остальные люди. Все же никто из заговорщиков даже под самыми страшными пытками не назвал Каллисфена виновным. И сам Александр вскоре после этого написал Кратеру, Атталу и Алкету, что мальчишки во время пыток брали всю вину на себя, уверяя, что у них не было соучастников. Позднее, однако, в письме к Антипатру Александр возлагает вину и на Каллисфена: «Мальчишек, – пишет он, – македоняне побили камнями, а софиста я еще накажу, как, впрочем, и тех, кто его прислал, и кто радушно принимает в своих городах заговорщиков, посягающих на мою жизнь». Здесь Александр явно намекает на Аристотеля, ибо Каллисфен был его родственником, сыном его двоюродной сестры Герб, и воспитывался в его доме. Некоторые сообщают, что Александр повесил Каллисфена, а другие – что Каллисфен умер в тюрьме от болезни. Говорят, что Каллисфена семь месяцев держали в оковах, под стражей, чтобы позднее судить его в большом собрании, в присутствии Аристотеля, но как раз в те самые дни, когда Александр был ранен в Индии, Каллисфен умер от ожирения и вшивой болезни.

– Длинные новости у тебя...

– Он стал страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных. Одного из своих приближенных, некоего Менандра, назначенного начальником караульного отряда в какой-то крепости, Александр приказал казнить только за то, что тот отказался там остаться. Орсодата, изменившего ему варвара, он собственной рукой застрелил из лука.

– А еще говорят, что он не варвар.

– Послушайте вы все, что мне рассказали... Перед некоей крепостью, македоняне остановились в нерешительности, так как их отделяла от нее глубокая река. Став на берегу, Александр сказал: «Почему я, глупец, не научился плавать?»

Начало конца

- Это важно.
- Я слушаю тебя.
- Андрокотт, который вскоре вступил на престол, подарил Селевку пятьсот слонов... и с войском в шестьсот тысяч человек покорил всю Индию.
- Пятьсот слонов...

Андрокотт... Чандрагупта, подаривший Селевку боевых слонов в обмен за права на долину Инда.

– Что же происходит теперь... слухи о том, что поход в глубь материка оказался очень тяжелым, что царь получил ранение в битве с маллами, что войско понесло большие потери, порождают сомнения в том, что Александр вернется невредимым, побуждают подвластные народы к мятежам, а полководцев и сатрапов толкают на несправедливости, бесчинства и своеволие. Вообще повсюду воцарился дух беспокойства и стремление к переменам.

В это же время Олимпиас и Клеопатра окончательно рассорились с Антипатром и поделили царство между собой: Олимпиас взяла себе Эпир, а Клеопатра – Македонию. Мать и дочь. Узнав об этом, Александр сказал, что мать поступила разумнее, ибо македоняне не потерпят, чтобы над ними царствовала женщина.

– ... царствовала женщина... Сильная Олимпиас еще могла притязать на «царствование» над Македонией, но Клеопатра не могла не подчиниться Антипатру

- Так она вернулась в Эпир...
- И Антипатр враг им обеим.

– У него еще достаточно сил... Оксиарта, одного из сыновей Абулита, он убил сам, пронзив его копьем. Абулит не приготовил съестных припасов, а поднес царю три тысячи талантов в чеканной монете, и Александр велел ему бросить эти деньги коням. Кони, разумеется, не притронулись к такому «корму», и царь, воскликнув: «Что нам за польза в твоих припасах?» – приказал бросить Абулита в тюрьму.

– Есть о чем подумать... Когда Александр узнал, что могила Кира разграблена, он велел казнить Поламаха, совершившего это преступление, хотя это был один из знатнейших граждан Пеллы.

– Затем?

– Надгробная надпись гласила: «О человек, кто бы ты ни был, и откуда бы ты ни явился, – ибо я знаю, что ты придешь, – я Кир, создавший персидскую державу. Не лишай же меня той горстки земли, которая покрывает мое тело». Эти слова произвели на Александра глубокое и

сильное впечатление и навели его на горестные размышления о превратностях человеческой судьбы.

– Как ты сказал, его звали?

– Курош, великий царь...

– Курош... он тоже был велик... ведь он создал это царство... и прах покрыл прах...

Курош...

– Есть о чем подумать...

– ... после самосожжения Калана, Александр созвал на пир друзей и полководцев. На пиру он предложил потягаться в умении пить и назначил победителю в награду венок. Больше всех выпил Промах, который дошел до четырех хоев; в награду он получил венок ценою в талант, но через три дня скончался. Кроме него умерли ещё больше сорока человек, которых после попойки охватил сильнейший озноб. Вслед за попойкой наступил сильный холод.

Холод... сильный холод... и это уже была попытка...

В Сузах Александр женился на дочери Дария Статире и одновременно отпраздновал свадьбы друзей, отдав в жены самым лучшим своим воинам самых прекрасных персидских девушек. Для македонян, которые уже были женаты, он устроил общее свадебное пиршество; сообщают, что на этом пиру каждому из девяти тысяч приглашенных была вручена золотая чаша для возлияний. Изумительная щедрость царя проявилась и в том, что он из собственных средств заплатил долги своих воинов, израсходовав на это девять тысяч восемьсот семьдесят талантов. Этим воспользовался Антигон Одноглазый. Обманным путем занеся свое имя в список должников и приведя к столу человека, который назвался его заимодавцем, он получил деньги. Но вскоре обман был раскрыт, и царь, вне себя от гнева, выгнал Антигона из дворца и отрешил его от командования. Этот Антигон проявил себя замечательным воином. Когда он был еще юношей и находился в войсках Филиппа, осаждавших Перинф, ему в глаз попала стрела из катапульты, но он не позволил вынуть стрелу и не покинул строя до тех пор, пока враги не были оттеснены и заперты в стенах города. Свой позор он переносил чрезвычайно тяжело: было видно, что от горя и тоски он готов наложить на себя руки. Опасаясь этого, царь смягчился и приказал Антигону оставить эти деньги у себя.

Так... Селевк... Антипатр... Антигон... эти уже сделали свои первые шаги к будущей борьбе... за?., за что же еще?..

– Тридцать тысяч мальчиков, которых Александр велел обучать и закалять, оказались не только сильными и красивыми, но также замечательно ловкими и умелыми в военных упражнениях. Александр очень этому радовался, а македоняне огорчались, опасаясь, что царь будет теперь меньше дорожить ими.

– За кем эти тридцать тысяч пойдут...

– Поэтому, когда Александр решил отослать к морю больных и изувеченных воинов, македоняне сочли это обидой и оскорблением, они говорили, что царь выжал из этих людей все, что они могли дать, а теперь, с позором выбрасывая их, возвращает их отечеству и родителям уже совсем не такими, какими взял. Пусть же царь признает бесполезными всех македонян и отпустит их всех, раз у него есть эти молокососы-плясуны, с которыми он намерен покорить мир. Эти речи возмутили Александра. Гневно разбранив македонян, он прогнал их прочь и поручил охранять себя персам, выбрав из их числа телохранителей и жезлоносцев. Видя Александра окруженным персами, а самих себя устранимыми и опозоренными, македоняне пали духом. Делясь друг с другом своими мыслями, они чувствовали, что от зависти и гнева готовы сойти с ума. Наконец, кое-как опомнившись, безоружные, в одних хитонах, они пошли к палатке Александра. С криком и плачем они отдали себя на волю царя, умоляя его поступить с ними, как с неблагодарными негодьями. Александр, хотя и несколько смягчился, все же не допустил их к себе, но они не ушли, а два дня и две ночи терпеливо простояли перед палаткой, рыдая и призывая своего повелителя. На третий день Александр вышел к ним и, увидев их такими несчастными и жалкими, горько заплакал. Затем, мягко упрекнув их, он заговорил с ними милостиво и отпустил бесполезных воинов, щедро наградив их и написав Антипатру, чтобы на всех состязаниях и театральных зрелищах они сидели на почетных местах, украшенные венками, осиротевшим детям погибших приказал выплачивать жалованье их отцов.

– В эти дни тяжело заболел Гефестион. Человек молодой и воин, он не мог подчиниться строгим предписаниям врача и однажды, воспользовавшись тем, что врач его Главк ушел в театр, съел за завтраком вареного петуха и выпил большую кружку вина. После этого он почувствовал себя очень плохо и вскоре умер.

– Этот выбыл. Продолжай.

– Горе Александра не знало границ, он приказал в знак траура остричь гривы у коней и мулов, снял зубцы с крепостных стен близлежащих городов, распял на кресте несчастного врача, на долгое время запретил в лагере играть на флейте и вообще не мог слышать звуков музыки, пока от Аммона не пришло повеление оказывать Гефестиону почести и приносить ему жертвы как герою. Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие. И это называли заупокойною жертвой в честь Гефестиона. На похороны, сооружение могильного кургана и на убранство, потребное для исполнения всех обрядов, Александр решил потратить десять тысяч талантов, но он хотел, чтобы совершенство исполнения превзошло денеж-

ные затраты. Более чем всеми другими мастерами, Александр дорожил Стасикратом, замыслы которого отличались великолепием, дерзостью, блеском и новизной. Незадолго до того Стасикрат обратился к царю и сказал, что Афону во Фракии скорее, чем какой-либо другой горе, можно придать вид человеческой фигуры и что, по приказанию Александра, он готов превратить Афон в самую незаблемую и самую величественную статую царя, левой рукой охватывающую многолюдный город, а правой – изливающую в море многоводный поток. Царь отверг тогда это предложение, но теперь он только тем и занимался, что вместе с мастерами придумывал еще более нелепые и разорительные затеи.

Приближение и...

– На пути в Вавилон к Александру вновь присоединился Неарх, корабли которого вошли в Евфрат из Великого моря. Неарх сообщил Александру, что ему встретились какие-то халдеи, которые просили передать царю, чтобы он не вступал в Вавилон. Но Александр не обратил на это внимания и продолжал путь. Приблизившись к стенам города, царь увидел множество воронов, которые ссорились между собой и клевали друг друга, причем некоторые из них падали замертво на землю у его ног. Вскоре после этого Александру донесли, что Аполлодор, командующий войсками в Вавилоне, пытался узнать о судьбе царя по внутренностям жертвенных животных. Прорицатель Пифагор, которого Александр призвал к себе, подтвердил это и на вопрос царя, каковы были внутренности, ответил, что печень оказалась с изъяном. «Увы, – воскликнул Александр, – это плохой знак!» Пифагору он не причинил никакого зла, на себя же очень досадовал, что не послушался Неарха.

...подсланный из Карфагена шпион находился между приближенными Александра. Но все равно, были ли это одни мечты или серьезные замыслы, царь умер, не занявшись...

– Его тревожили многие знамения. На самого большого и красивого льва из тех, что содержались в зверинце, напал домашний осел и ударом копыт убил его.

– Однажды Александр, раздевшись для натирания, играл в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие вместе с ним, увидели, что на троне молча сидит какой-то человек в царском облачении с диадемой на голове. Человека спросили, кто он такой, но тот долгое время безмолвствовал. Наконец, придя в себя, он сказал, что зовут его Дионисий и родом он из Мессении; обвиненный в каком-то преступлении, он был привезен сюда по морю и очень долго находился в оковах; только что ему явился Серапис, снял с него оковы и, приведя его в это место, повелел надеть царское облачение и диадему и молча сидеть на троне.

– Игры начались, когда начались... И вот они подходят к концу.

– Александр, по совету прорицателей, казнил этого человека, но уныние его еще усугубилось, он совсем потерял надежду на божество и доверие к друзьям.

– Казнь Дионисия, может быть, была ритуальным убийством ложного царя, чтобы отвратить смерть от настоящего.

– Особенно боялся царь Антипатра и его сыновей, один из которых, Иолай, был главным царским виночерпием, а другой, Кассандр, приехал к Александру лишь недавно. Этот Кассандр однажды увидел каких-то варваров, простершихся ниц перед царем, и как человек, воспитанный в эллинском духе и никогда не видевший ничего подобного, невольно рассмеялся. Разгневанный Александр схватил обеими руками Кассандра за волосы и принялся с силой бить его головой о стену. В другой раз, когда Кассандр пытался что-то возразить людям, воз-

водившим обвинение на Антипатра, Александр перебил его и сказал: «Что ты там толкуешь? Неужели ты думаешь, что эти люди, не претерпев никакой обиды, проделали такой длинный путь только ради того, чтобы наклеветать?» Кассандр возразил, что как раз это и доказывает несправедливость обвинения: затем, дескать, они и пришли издалека, чтобы их труднее было уличить во лжи. На это Александр сказал рассмеявшись: «Дорого же вам обойдутся эти Аристотелевы софизмы, это умение говорить об одном и том же и за и против, если только обнаружится, что вы хоть в чем-то обидели этих людей!»

Кассандр... Антипатр... Они... да, они...

– ...после великолепного приема в честь Неарха и его спутников Александр принял ванну, как он делал обычно перед сном, и собирался уже было лечь, но, вняв просьбе Медия, отправился к нему на пир. Там он пил весь следующий день, а к концу дня его стало лихорадить. Некоторые утверждают, будто Александр осушил кубок Геракла и внезапно ощутил острую боль в спине, как от удара копьем... некоторые, что жестоко страдая от лихорадки, Александр почувствовал сильную жажду и выпил много вина, после чего впал в горячечный бред и на тридцатый день месяца десьа умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.